

Liudmila Maljukowa

ББК P14
M21

~~И~~ И ЗАКУРИЛИСЬ БЕЗДНЫ⁴.
Таганрог 1998

От автора

В основу этой книги положены подлинные исторические документы, извлеченные из Центрального и Донского архивов, а также архивов частных лиц. Они повествуют о жизни Таганрога периода революции 1917-1919 годов. В центре внимания - судьба генерала П. К. Ренненкампа.

В связи с этим, автор выражает благодарность Широву Николаю Александровичу, племяннику Катенева Николая Ивановича, - уроженца Таганрога, после поражения Белого движения ставшего эмигрантом, а также директору института реставрации Грудеву Владлену Петровичу, работникам Краеведческого музея г. Таганрога, библиографу городской библиотеки им. А. П. Чехова Эле Валентиновне Тимошенко за подборку материалов и предоставление архивов.

Особую признательность автор выражает Северюгину Николаю Семеновичу за оказанную помощь в издании этой книги.

йвек летзтот Lovensj a h a u.

PAUL V. RENNENKAMPFF

УДК 5-8319-0054-1

© Людмила Малокова

Российская история полна непонятных загадок. Проходят годы, века, эпохи, а ее тайны лишь изредка высветивает магический блеск на скрижалях человеческой памяти. И если высветивает, - какая чудодейственная сила исходит от их далекого и вечного мерцания! Не оттого ли, что «свет», «блеск» и «мерцание» суть единой Божественной Триады в мире вселенского бытия?

Есть на географической карте России два неравноценных по величине города - Петербург и Таганрог, которые, случайно ли, слухом ли поддержаны или какой-то необъяснимой до конца связаны закономерностью, однако стоят, подобно древнему сфинксу, в одном ряду неизреченных тайн и загадок. Может быть потому, что их история начиналась почти в одночасье с причудливыми и грандиозными ломками Петра, и великий преобразователь и своенравный деспот смело испытывал свою судьбу и судьбу России на берегах Невы и Азова? А может быть, потому, что его потомок Александр Благославленный любил наезжать из шумного и блистательного Петербурга в тихий купеческий Таганрог, пока не скончался в нем? Да и скончался ли? Тайна, покрытая мраком. До сих пор современники ломают копыя вокруг этой туманной истории. И в наши дни приезжал в Таганрог столичный писатель Леонид Бежин и «зондировал» то ли забытые, то ли неизвестные подземные выходы к морю от резиденции монарха: по ним уходил Александр I к яхте, которая тайно ждала его на берегу под покровом южной ночи, - убежденно доказывал он и свою версию в «Усыпальнице без праха». И снова засияла нить, связующая Таганрог и Петербург.

...Между тем тайны продолжали расти и множиться. Возникли новые занимательные ребусы, отсылающие нас к имени другого Александра, - великого русского поэта Пушкина, неизвестно почему вдруг оставившего в Таганроге на пути из Петербурга свои пророческие предсказания об этом приморском городке и о судьбе России. И снова, были ли они? Ох, как сомнительно! И снова поползли слухи, разговоры, домыслы, вымыслы. Не они ли спровоцировали и «ядею» создания второй российской столицы на юге страны Александром I? И почему бы ей

не возникнуть, если есть столица на Севере, засевшая в представлении заморских гостей упоительным образом Северной Пальмиры, почему бы не быть этой Пальмире южной - в Таганроге! - светлом и солнечном, антиподу туманному Петербургу, с его бесконечными дождями и ледяным пронизывающим до костей ветром? Ну а что касается морской ауры, то она никак не уступает свинцовой капризной Неве. Но, не успев возникнуть, сия «идея» погасла вместе с таинственным уходом монарха. Императора не стало, а «слухи» остались и дошли слабым свечением до наших дней. Поди разбери их: было или не было.

И кого только не знавала таганрогская земля! Как будто неизъяснимая магия притягивала к ней все бунтарское, крамольное. И тут уж был не только Петербург. Своенравные декабристы, мятежный Гарибальди, пламенный лейтенант Шмидт, авантюрный Вальяно... Каждый ушел из мира со своей тайной.

Жестокий и коварный XX век принес не меньше загадок. Щедро он повернулся к поэтам и художникам. Младенческая тень Максимилиана Волошина коснулась таганрогской земли и отлетела в призрачный Петербург. Помнят старинные особняки города и отзвуки стремительных шагов блестящего, ныне забытого поэта Софьи Парнок, и промелькнувшего искрометной звездой Константина Бальмонта. ...Да мало ли кто из художественной элиты оставил свой замысловатый след на скрижалях небереженной памяти этого приморского города. Однако всех родившихся и побывавших в нем затмил своей известностью А.П. Чехов. Хотя после Таганрога никогда не связывал свою судьбу с Петербургом, но тайн он оставил не мало, завершая конец «золотого века» русской литературы и открывая начало века - «серебряного».

Шквальный ветер революции пригнал к берегам Таганрога иных «визитеров». И потянулись из Петербурга важные государственные сановники, общественные деятели, военные лица. Среди них известные, прославленные в войнах и седовласые генералы. В этой трагической панораме имя генерала П.К.Ренненкампа светится белым нетронутым пятном, задавая немало загадок и наводя на тягостные размышления. Прежде всего, кто

он, этот генерал от кавалерии, участник двух драматических войн - русско-японской и I-й мировой, усмиритель восстания «боксеров» в Китае и революции 1905 года в Забайкалье: героическая личность или «оберпалач», как представила его большевистская печать в энциклопедических справочниках и на страницах учебных пособий по истории? Жертва чьих-то злых умыслов и стратегической бездарности, как он представлен в романе А.Солженицына «Август Четырнадцатого»? Талантливый полководец, попавший в мясорубку неблагоприятных стечений обстоятельств или карикатурный «солдафон», каким воспроизведен в рассказе С.Званцева «Конец генерала Ренненкампа»? Зачем и почему он в начале 1918 года, в эту грозную пору, покинул Петербург и приехал в Таганрог навстречу своей роковой гибели от рук тех, чья сила стихийного бунта для него была понятна и ощутима ранее? Где-то под окаменевшим слоем скрывает его прах таганрогская земля, сохранив малость и растратив многое из так бережно вывезенных им бесценных сокровищ религиозного культа, изобразительного искусства, скульптуры, оружия. Но ничего уже не скажет исчезнувшее. Молчит и сохраненное: тайной покрыты выставленные под музейным стеклом курительницы, ритуальные чаши, светильники, обрамленные змеей... И только вечный Гаутама Шакья Муни, горящий медным светом, открывает нам указующим перстом сакраментальную тайну: все хранит земля. Но в ее сокровенные тайны живым не проникнуть. Для них есть иной путь постижения земных загадок: объективная логика домысла. Последуем за ней, приоткрыв тяжелые двери в тайну минувшего, и представим свою версию трагической судьбы генерала П.К.Ренненкампа.

* * *

Стояло раннее январское утро. Павел Карлович подошел к окну и раздвинул тяжелую портьеру. По улицам при- тихшего Петрограда морозный ветер гнал густую вихре- вую поземку. Волнообразные холмы лежали на тротуарах, проезжей части дороги, искристо курились по фасадам старинных особняков. Все слилось в сплошное белое поле. «Какая жуткая непроезжая картина... Как на каком-нибудь глухом полустанке, затерянном в бескрайних российских просторах... Да, да: так оно и есть. Несчастливая Россия!», - с тяжелой грустью подумал он.

Стрелки часов приблизились к половине шестого. До отхода поезда оставалось два часа. Нужно было собираться. Впрочем, все уже было собрано еще вчера, вечером сделали последние приготовления. Павел Карлович прошел в гостиную, где стояло несколько объемистых оби- тых железом ящиков и придирчиво окинул взглядом, - упа- ковано надежно и прочно: «Молодец поручик! Все умеет делать на совесть. Да в этом деле иначе и нельзя: груз ведь не имеет цены». Вчера, укладывая каждую вещь, Павел Карлович от прикосновения испытывал легкую внутрен- нюю дрожь. Его руки касались глубокой древности, буд- то вызывая из далекого небытия угасшие души загадоч- ного Востока. Нет, вероятно, никто и никогда из тех, кто творил и заклинал эти предметы многовековой давности, - ритуальные светильники, чаши, курильницы... - и пред- ставить не мог, что когда-нибудь их будет касаться рука «неверных». Когда очередь дошла до объемной фигуры

Гуатамы Шакия Муни и ее стали бережно укладывать, он скорее почувствовал, чем услышал легкий звон ее медно- го тела; словно из другого, горнего мира ему подавали таинственный магический знак. Он хорошо знал скрытый смысл каждого предмета, живо помнил его историю «хож- дения» до тех пор, пока он не попал к нему. На мгновенье в туманных наплывах воспоминаний возникли жуткие картины буйного мятежа на окраинах Северного Китая, Забайкалья, где-то в пространствах Манчжурии... Разграб- ленные буддийские храмы, покинутые жилища, бегущие люди...

Они вошли в один из пустующих храмов, навстречу им бежал какой-то сумасшедший старик с непокрытой стри- женной головой и кричал одно только слово: «Татхагата! Та-а-атхагата!» «Чего он хочет?» - спросил кого-то из офицеров Павел Карлович. «Ничего, - ответили ему. - Он ставит в известность, что явился в мир «Так Пришедший!» Потом старик внезапно остановился, страшно вращая ши- роко раскрытыми глазами, забился в угол и, пока выноси- ли содержимое храма, беспомощно повторял: «О, Бхага, Бхага!» Уже перед уходом, объезжая храм, конь Павла Карловича вдруг остановился у почерневшей коряги. Взгляд внезапно привлек небольшой предмет, горящий странным блеском в лучах заходящего солнца. Молодецки спрыгнув с седла, он некоторое время рассматривал его лежащим на сухой выжженной земле и, только взяв в руки, понял, что это деревянная статуэтка монаха древнейшего образ- ца, пропитанная ритуальной кровью. Кто-то до них уже побывал здесь, оставив на память вот эту, вероятно, случай- но оброненную вещицу. Павлу Карловичу она была особен- но дорога: в ней содержалась тайна всех времен, тяготею- щих к крови и насилию... Он погладил шершавую поверх- ность ящика, точно прощаясь на долгое или короткое вре- мя с его содержимым, и скользнул взглядом по другим уве-

систым упаковкам, где были скрыты родовые портреты и реликвии, коллекции старинного и современного оружия, декоративные вазы, чаши, миниатюрные гравюры... Его прощальные мысли прервали легкие шаги супруги Веры Николаевны. Она вошла в гостиную, и вокруг стало светлее. Но спокойней ли? На этот вопрос едва ли Павел Карлович мог ответить утвердительно. Мысль о том, что, возможно, он вовлекает Веру Николаевну в рискованную «операцию», не покидала его. И точно поняв сомнения супруга, она тихо спросила:

- А может быть останемся? Все уляжется, утрясется страсти и река войдет в свои берега...

- Нет, это безумие, - ответил он со всей решимостью. Ты видела, что делается на улицах? Это серьезно и надолго. К тому же - пострашнее 1905 года. Тогда трон и Россия были спасены, потому что народ еще понимал своего монарха, и армия ему была предана. А теперь, - Павел Карлович тяжело вздохнул и уже более спокойно завершил, - теперь конец. Если не поможет чудо. Но и тогда прольется море крови.

Вера Николаевна молча смотрела на мужа, будто еще раз хотела убедиться в его окончательном решении. А он, немного помедлив, глядя в заиндевевшее окно, нервно добавил:

- Вот как ее, родимую, развезло. Будто со всего света собрались черные силы и поют по ней «Аллилуйю».

И словно отвечая на его пророческие слова, шквальный ветер с угрожающей силой рванул нижнюю фрамугу, и в комнату ворвались ледяные комья метельного снега.

- Вот тебе и окончательный ответ, - проговорил задумчиво Павел Карлович, закрывая окно, - дома не отсидишься: метель везде достанет.

Вскоре после освобождения его из Трубецкого бастиона, куда он угодил по воле Временного правительства, бы-

ло принято решение пробиваться на юг. Еще две недели назад он мог бы испытать судьбу через финскую границу, но путь, по которому ушел на парусной лодке военный министр Сухомлинов с женой с Лохты в Териоки, для него был невозможен: пришлось бы расстаться с бесценной коллекцией, да и для самого подобная операция была бы слишком рискованной. Он это хорошо понял при последних переговорах с надежным перевозчиком. Поездом в этом же направлении с приходом большевиков к власти тем более не перебраться. Еще в октябре перед самым революционным переворотом бесчинствующие и никого не признающие матросы лихо останавливали поезда. Был остановлен перед самым Гельсингфорсом и поезд, большинство пассажиров которого имело заграничные паспорта, среди них - госпожа Вырубова и доктор Бадмаев, - их препроводили в тюрьму Свеаборга. Нет, нет. Нужен был более надежный путь. И, взвесив все, Павел Карлович выбрал южный город Таганрог - родину его жены: там его почти не знают, там его сослуживец Николай Дмитриевич Аракин, генерал, военный прокурор по Виленскому округу, женатый на сестре Верочки, а ее там знают хорошо, - родственные корни и связи остались, и никуда от них не деться; там, в случае чего, - помогут. В последнее время в Петрограде все складывалось так угрожающе, что оставаться в нем становилось все более опасней. Третьего дня заходил к Павлу Карловичу штабс-капитан Карев, говорили о «насуцном», о тех, «кого уж нет, а те далече»: застрелился генерал Крымов, озверевшая солдатня растерзала генерала Духонина на могилевском вокзале, чудом ушли из быховской тюрьмы арестованные офицеры вместе с Корниловым, - они шли через шеренги охраны, и штабс-капитан Бетлинг держал наготове шашку. В узников летели комья грязи... И даже эта «балерина» - Керенский, прыгающий между большевиками и Корниловым, бежал так, что и следов не нашли, - почувал запах го-

релого. Докружился... Все откачнулись от него. Уж на что Савинков старался «навести мосты» к нему, и тот ушел. Недавно, говорят, видели его в «Привале Комедиантов». Еще бы... Куда же теперь податься человеку в России, как не в кабак. Но надежда умирает последней. Как ринулись на Дон с верой спасти вдребезги разлетающееся Отечество весь генералитет, все боеспособное в армии! Корнилов, Алексеев, Краснов, Деникин, Дроздовский, Романовский, Иванов, Марков... Всех их Павел Карлович знал, одних хорошо, других визуально. Но после его отставки в конце 1915 года отношения со многими разладились. Куда теперь поведут их дороги, и сойдутся ли они когда-нибудь? Сможет ли он спокойно сидеть в этом южном городке, ожидая «у моря погоды»? На днях, проезжая по Питеру, он видел горящий особняк министра двора Фредерикса, горел и корпус жандармов, на Стрелке над грудями замерзшего коньяка после погромов виновных погребов орудовали какие-то ватаги полупьяных людей. По улицам шатались солдаты, плюхая семечки. Шапка на затылке, в глазах азарт или скука. Таких на фронт не пошлешь, а бунтовать, - пожалуйста. Река вышла из берегов, и попробуй ее загони. Не захлебнуться бы. До чего довели Россию своей болтовней все эти кадеты, Милюковы, Гучковы, Родзянки... Теперь и сами перетрусили, разлетелись, кто куда. В результате, ни государя, ни государства, одно кровавое марево. Несчастный Николай и все Романовы. Только Керенский мог додуматься отослать их в медвежий угол, каким есть захолустный Тобольск. Попробуй оттуда, выберись. Это для легкомысленной головы Керенского - «место безопасное», а поразмыслить, так оно что ни наесть могила: не добраться, не выехать - за тысячи километров в глуши; да еще ни один государь, а с женщинами, да с больным ребенком на руках...

Павел Карлович размечтался, а Вера Николаевна, при-

сев в просторное турецкое кресло, задумчиво оглядывала гостиную, прощалась с каждым предметом; она точно извлекала из них мучительно и тяжело свою душу. Еще совсем недавно небольшая гостиная светилась изысканным уютом и роскошью. Теперь стены опустели, сняли родовые портреты, дорогие гравюры; шкафы зияли глубокими темнеющими изнутри проемами; ковры были свернуты и объемными трубами лежали в углу помещения. От всего этого веяло сиростью и неприкаянностью. Да так, что хотелось бесконечно и неудержимо плакать. Но слезы Вера Николаевна выплакала еще тогда, когда Павел Карлович был заключен в Петропавловскую крепость вместе с министрами и депутатами Государственной Думы. Были там и «сахарный» Протопопов, и генерал Хабалов, и Маклаков, и всеильный Курлов, командир корпуса жандармов... Вере Николаевне пришлось обивать пороги и председателя Чрезвычайной комиссии Муравьева, и побывать на приеме у самого Керенского, и не один раз обращаться к верхним эшелонам этой самой крепости. Ренненкампфу инкримировали прежние «грехи»: и вину за разгром армии Самсонова в Мазурских болотах, и жестокость подавления мятежа в Забайкалье на железной дороге, и злоупотребления военными перевозками... Да всех этих обвинений хватило бы на три жизни. Павел Карлович писал заявление, в котором ссылался на военного министра Сухомлинова: у него хранятся все «ключи» к казне (сколько выдано и сколько израсходовано). Что же касается армии Самсонова, то виноватых искали повсюду, но не там, где они могли быть. Жилинский, командующий фронтом, - вот кто мог бы ответить за все случившееся, но вышел сухим из воды, - да великий князь Николай Николаевич, полагавшийся на первоначальный план действий, который так изменился уже в первые дни войны, что следовать ему было преступно. Стремительным темпом армия Самсонова про-

двигалась вперед, а муж говорил: этого допускать нельзя, - пока не растянулась на 210 километров по болотам и дебрям и не оторвалась от других фланговых частей. На таком расстоянии беспроволочный телеграф не в состоянии обеспечить необходимую связь; летательные аппараты то ли не взлетали, то ли где-то терялись, - так что невозможно определить, что делалось в соседних частях. И не вина мужа, что он получил известие о трагическом положении 2-й армии с колоссальным опозданием. Несмотря на это, подготовил большую часть своих сил для спасения армии Самсонова. Но и эта подготовка была сорвана; последовал приказ командования фронта: отставить! В результате, катастрофический разгром 2-й армии, и все силы противник обрушил на Ренненкампа. Ценой невероятных усилий ему удалось вывести свою армию из-под удара; изрядно потрепанная, она была сохранена. А ведь совсем недавно, еще за месяц перед этим страшным событием, он одержал блестящую победу под Гумбененом. Разбил 1-й германский корпус Франсуа. Совсем недавно кондитерская фирма Сиу выпускала шоколад с красочными этикетками «Наши герои», и на одной из них красовался портрет ее мужа: шоколад «Генерал Ренненкампа», и журнал «Сатирикон» с легким юмором острил: «Кто лучше: казак Крючков или генерал Ренненкампа? - шоколад». Господи, как все изменилось! Когда она шла на прием к Муравьеву по Зимнему, - этой исконной колыбели монархов и гениального творения мировой культуры, ей открылась чудовищная картина: роскошные, изысканные залы были превращены в огромную грязную казарму: в проемах венецианских окон стояли пулеметы, повсюду валялись окурки, куски хлеба, пустые бутылки из-под дорогих французских вин, разбросанная одежда, какие-то тряпки, развешенные на руках Венеры и Аполлона; на почерневшем от грязи паркете разостланы матрасы, на некоторых из них валялись солдаты. На

мраморной лестнице стоял юнкер с бутылкой бургунского, его покачивало; ручки на многих дверях были отвинчены... «Апокалипсис!» - с ужасом про себя сказала тогда Вера Николаевна.

Она долго и обстоятельно, помимо письменного прошения, объясняла Муравьеву то, что не раз слышала от друзей-сослуживцев мужа и его самого. Невинность Ренненкампа ей казалась так ясна, что никаких уточнений, а тем более коварных вопросов, и быть не могло. Муравьев слушал, писарь что-то записывал. Так длилось, как показалось ей, бесконечное время. Наконец, остановив ее, Муравьев спросил: «Почему Вашего мужа послали усмирять мятеж в Забайкалье? Как вы думаете?» «Как я думаю...» - смутившись, произнесла она. Но через несколько секунд, уже отойдя от смущения, промолвила: «Ему приказали, а он был русский офицер... Приказы не обсуждают, а исполняют. Кто-то ведь должен был навести порядок». «Порядок? Почему-то другие не должны были, а генерал Ренненкампа и генерал Маллер должны были». В заключение он сказал: «Разберемся. Революция не карает невиновных».

Возвращалась тогда Вера Николаевна в глубоком беспокойстве. Она давно жила мыслями и чувствами своего мужа. Этот ее второй брак был на редкость удачным. 15 лет, наполненных долгими тревогами и короткими радостями, прошли с того дня, когда она покинула провинциальный Таганрог и приехала в роскошный Петербург. Но не долго пришлось наслаждаться его красотами. Их уютная квартира, грустя и тоскуя, годами ждала своих хозяев, а их адреса менялись, пока не остановились на городе с коротким названием и такой же «короткой» территорией - Вильно. И только с отставкой они окончательно перебрались теперь уже не в Петербург, а Петроград. Их первая длительная разлука пришлось на тот год, когда Павел Карлович воевал на несчастной русско-японской войне. А потом этот мя-

теж, который либеральные силы общества не могли и не хотели ему простить. Но что должен был делать он, генерал, которому доверили порядок и спокойствие в стране, видя как ватаги обезумевших солдат отвоевывают с оружием в руках поезд и пускают их под откос или по удобному им маршруту? Как срывают погоны с офицеров, избивают и бесчинствуют? Когда из орущих глоток, ничего не слышащих и не чувствующих, вырывается только один безудержный вопль: «Долой! И домой!»? Потом она читала ироническое заявление депутата Государственной Думы Милюкова: «Мы только можем с тяжелым чувством заносить в нашу хронику боевые подвиги генералов, как Ренненкамф или Риман»..

В надежде, что Павла Карловича все-таки освободят, она уехала в родной Таганрог, где училась в гимназии ее дочь Ольга от первого брака и жила оседло сестра Мария замужем за военным прокурором, - тоже генералом, но с ним все тихо, спокойно. Вот где оценишь провинциальную жизнь! Ехала с надеждой убедиться лично, какова обстановка в этом городе, не лучший ли он вариант для тихого личного бытия, тем более, что здоровье Павла Карловича было сильно подорвано после его драматической отставки. Она последовала после еще одной неудачи на фронте. Но ведь неудачи сыпались на Россию отовсюду, точно отравленное вино из рога изобилия, - а виновней всех оказался Павел Карлович. Не потому ли, что у него немецкая фамилия, и злые языки стали ее связывать с изменой, шпиономанией, с «гессенкой» Александрой. Это его-то, потомственного дворянина, род которого не один век связан с русской историей, ее лучшими традициями, - того, кто всегда гордился тем, что он русский офицер... Случившееся его глубоко потрясло. Особенно переживал он жестокий разгром армии Самсонова и его самоубийство. Ведь они вместе прошли огромный боевой путь. Вместе сражались в японскую вой-

ну и держали фланги генерала Куропаткина. Струсил тогда командующий, все сделал наоборот, а потому и потерпел поражение под Лаояном. Переживал он и разрыв позже с Самсоновым, обернувшийся пощечиной. Да, да, все это было. Но никогда бы он не смог вот так, из-за личных счетов, бросить в бою на произвол судьбы армию своего сослуживца. А вслед ему, уже разжалованному, идущему по улицам Петрограда в казачьей форме генерала, озлобленно бросали: «Изменник!» - ему, прославленному во многих боях, награжденному орденами св.Георгия Победоносца, георгиевским оружием с бриллиантами, любимцу юнкеров и солдат, при всей порою жесткости его характера. Потом он неоднократно обращался к командованию, используя все свои прежние связи, с просьбой дать ему военный корпус: не мог спокойно сидеть, когда все разваливается на фронтах; что-то невнятно обещали, пока не грянула Февральская революция.

Стоял август 1917 года, когда Вера Николаевна прибыла в Таганрог. Прежней умиротворенности в городе не было: пошаливали забастовщики, кое-где проходили митинги, что-то приказывали, что-то отменяли. Но вобщем ничего катастрофического не ощущалось, и она все больше склонялась к мысли: немедленно уезжать из этого ужасного Петербурга. На память приходили стихи Иннокентия Анненского, ставшего вдруг знаменитостью после своей внезапной смерти:

...Даже в мае, когда разлиты
Белой ночи над волнами тени,
Там не чары весенней мечты,
Там отравы бесплодных хотений.

В Петербург Вера Николаевна возвращалась в октябре, к тому времени Павел Карлович чудом был уже на свободе. Но здоровье его она нашла в крайне расстроенном состоянии. После долгих раздумий и сомнений он наконец

согласился ехать в Таганрог. Однако болезнь обострилась, и пришлось на время задержаться, пока не взорвался кровавым заревом мятежа Октябрь. Обстановка накалялась с каждым днем. Какое-то время они еще медлили, но ожидание мира походило на ожидание смерти, и было решено больше не задерживаться. Слухи о том, что творится там, на Дону, внушали неясную надежду. Никто иной, как сам Каледин, хорошо знакомый Павлу Карловичу, не признал Советы и собирал под святое российское знамя все боеспособное и мыслящее офицерство. Все как будто бы складывалось благополучно. Но какая-то тайная тревога, глубоко запавшая на самое дно души, не давала покоя Вере Николаевне. Последние же дни Павел Карлович был настроен более решительно; что же касается ее, то прежняя уверенность о таганрогской тишине и мире значительно поулеглась. Для нее становилось ясно одно: на Дон собираются маститые генералы не для покоя, а войны. Кровавое марево того и гляди перебросятся и в родной Таганрог. Но, как известно, от судьбы не уйдешь. И так решено. Нужно ехать. А там будь, что будет.

На этом мысли Веры Николаевны прервались. В дверь позвонили, и вскоре к ним в гостиную вошел швейцар, - преданный до конца старый Филиппыч. Из всех слуг он остался один да его жена, - тихая и быстрая Глаша, которые помогали вести работу по дому Вере Николаевне.

- Пришли поручик, - сообщил он лаконично и четко.

Не дожидаясь, когда поручик войдет, Павел Карлович поспешил ему навстречу. В передней стояло трое заиндевелых людей, одетых под мастеровых. Он не сразу узнал в них поручика Ковалева и ефрейтора Бабица, знакомого ему еще по Виленскому гарнизону. Третий был совсем незнаком, но по выправке Павел Карлович безошибочно определил в нем человека военного. Они пожали друг другу руки и в этом пожатии отчетливо ощущались верность и готовность к

взаимопониманию в эти трагические дни.

- Все готово, - молвил поручик, растягивая в улыбке посливевшие от жестокого мороза губы. - Извозчик за поворотом дома.

Решили к вокзалу ехать двумя экипажами. Второй должен был прибыть с минуты на минуту, вслед за отъезжающим. В первый внесли два самых ценных ящика с восточными реликвиями. Их сопровождал поручик и неизвестный, которого представили Павлу Карловичу штабс-капитаном Поповым. Когда они скрылись в снеговых вихрях метели, почти неслышно за порывами неистового ветра подъехал второй извозчик. Видавшие виды рессоры, скрипнув, остановились у самого входа, и тогда стали выносить оставшийся груз. С коллекцией оружия Павел Карлович решил не расставаться и быть его личным стражем и хранителем. Он вошел в гостиную, когда Вера Николаевна уже была одета. На ней была потертая беличья шубка и белый шерстяной платок поверх меховой шапки.

- Ну вот, ты уже и готова, - промолвил он. И видя в ее глазах едва сдерживаемые слезы, привлек к себе и добавил, - Ничего. Все будет хорошо. Нужно только быть уверенным в себе.

Она быстро овладела собой и, пройдя в прихожую, взяла небольшой саквояж. Павел Карлович шел за ней, на ходу застегивая черное драповое пальто, которое недавно сменил вместо генеральской шинели. Он явно торопился, как будто вся совершаемая «процедура» расставания с этими обжитыми уютными стенами, переместившимися вдруг в жуткую цитадель мятежа, страшила и тяготила его так, что хотелось только одного: скорее прочь из этого чудовищного вертепа, а там посмотрим, - хуже не будет. В штатском длинном пальто он походил на пожилого пастора, в глазах которого застыла прежняя нерастроченная вера и неизбывная тоска. Он остановился у самого выхода и бросил прощаль-

ный взгляд на свое разоренное жилище: у окна сиротливо повисла клетка с притихшим попугаем Жанэ, рядом стояли опечаленные Филиппыч и Глаша. Живых существ в этом доме больше не было, и теперь только они эти двое оставались хранителями когда-то многолюдного очага да бесшабашная птица, невпопад кричащая свое гортанное: «Карроший Жанэ, карроший». Кому теперь эта диковинная птица будет кричать свой короткий нехитрый словарь?

- Ну-с, прощайте, - проговорил, как можно ровнее, Павел Карлович. Дай бог, увидимся.

Он обнял Филиппыча и погладил по плечу растроганную Глашу.

- А как же иначе! Как же не увидеться! Все в воле божьей. Удачи вам... удачи, - в конце расстроенный прохрипел Филиппыч.

Они стали спускаться по мраморной лестнице, едва освещенной тусклым фонарем, навстречу шальному ветру и своей роковой судьбе. Проехали по Мойке, притихшей и бесплодной, оставляя в стороне Дворцовую площадь, и выехали на Невский. По широкому проспекту снежный ветер выдуло особенно гулко и зловеще. Тяжело и шатко переваливались, утопая в сугробах, лошади. По тротуарам шли ранние пешеходы, обгоняемые какой-то группой солдат непонятного дивизиона. Навстречу им и шквальному ветру шагал отряд матросов в бушлатах, увешенных оружием, в лихо заломленных бескозырках и каких-то немислимых головных уборах. Вероятно, «борясь» со стихией, они во всю хрипящую глотку надсадно выкрикивали слова широко известной песни: «Эх, яблочко!» Остальных слов Павел Карлович не разобрал из-за рванувшего порыва ветра. Он вдруг поймал себя на мысли: «Ни у кого из прохожих не видно лиц. Все прикрываются рукой или заснежены и смотрят куда-то вниз. Да, метель обезличила человека. Такое закурилось, что неизвестно когда и чем кончится». В юности к нему по-

рою приходила волна поэтического настроения; возникали какие-то неясные образы; но военный быт и кочевая жизнь офицера все выветрили и никогда не возвращали к былому вдохновению. И вот теперь прорвалось сквозь десятилетия это ужасное поэтическое слово «метель» с двояким значением. Позади остался Гостиный двор, Исакиевский собор со шпилем и памятником Николаю I; где-то в стороне мелькнул ресторан «Кюба», куда не раз он заезжал, нередко бывали и великие князья; в последний раз Павел Карлович в нем встретил сына Константина Романова - Олега (погиб в сентябре 1914 года где-то под Варшавой), а с поручиком Куликовским однажды в этом ресторане он держал «пари». Хорош был поручик! Красив и обаятелен, неслучайно великая княгиня Ксения, сестра государя, не устояла перед ним: оставила своего супруга Алексея Михайловича. Чувства взяли верх, ничего не поделаешь.

Лошади рванули было и остановились. Со стороны Литейного на Невский входили шеренги солдат революционной армии. Ими бойко командовал молодой невысокий офицер. По выправке и манере отдавать распоряжения Павел Карлович определил в нем «кадрового». Когда офицер поравнялся с ним, он сразу узнал в нем ротмистра, знакомого по Преображенскому полку: «Каналья!» - в сердцах прокричал про себя Павел Карлович. Отряд скрылся в метели, и лошади, шарахаясь в стороны, тронулись.

У Николаевского вокзала толпилась масса народа. Подбежавший поручик сообщил, что подача поезда на Москву задерживается. Извозчик подъехал ближе к перрону, и они, не заходя в вокзал, стали ждать. Но вскоре находиться в закрытом фаэтоне становилось невыносимо: холод пробирал до костей. Все соблазнительней становилась мысль перейти под крышу вокзала. Как вдруг, медленно пробиваясь сквозь метельный туман, показались два тускло пробегающих глаза локомотива, и он, гремя и подпрыгивая,

стал приближаться к перронной площадке. И сейчас же толпы народа, крича и сбивая друг друга, устремились к нему. С трудом удалось протиснуться сквозь эту беспорядочную массу и втащить в два соседних вагона бесценный груз. Все проходило пока согласно намеченному плану. В разных вагонах, - решили, - ехать безопасней: ящиков - пять, но все они разные; каждый сам по себе везет то, что ему необходимо, - кто «инвентарь» для нужд обнищавшей деревни, кто «стекло», - все это для той же кормилицы-матушки. План был нехитрый, но надеялись более всего на удачу, на возможность затеряться в хаосе необузданной стихии. Павел Карлович знал, что его спутники едут с ним не на прогулку, а к Каледину на Дон, и пути их там разойдутся навсегда. Но эта уверенность становилась все более сомнительной. Надсадно бередила обида, слабели физические силы, подрывая такую всегда четкую логику мысли: как же так вышло, что он, тот, кто воевал всегда, не жалея своей жизни, не кланяясь пулям, воевал вместе с Деникиным, Врангелем, Красновым, Алексеевым, Гурко, оказался один, выброшенным на обочину дороги? Они все вместе прошли русско-японскую войну. С Деникиным его судьба переплела еще ранее, - в Киевском округе. Многие из них писали о нем хвалебные героические очерки. Тогда же барон Врангель, еще в чине штабс-ротмистра, собственноручно мог убедиться в его бесстрашии и стратегических способностях: «В передовом летучем отряде генерала Ренненкампа», «Отряд генерала Ренненкампа накануне выступления»... - выдавал он один за другим в своих многочисленных очерках. А с генералом П.Н.Красновым, тогда подесаудом и корреспондентом от газеты военного министерства «Русский инвалид», как никак, а ехали на фронт в одном поезде: общество было ограничено, дорога от Петербурга до Дальнего Востока длинная, развлекались в довольно узком кругу, - пирушки, чтение статей и очерков, только

что написанных горячим пером, и разговоры, разговоры... И писал о нем Краснов тоже целую серию военных очерков, среди них и такой романтически-экзотический, бьющий в цель и расплывчатый, как многое у него, «Действия отряда генерала Ренненкампа в долине реки Бадаохэ и в сражении у Фейшуллиня». Писали о нем и генерал Иолшин, и военный писатель князь Оболенский... И конечно, А.И.Деникин. Да и сам Павел Карлович тогда взялся за перо по убедительной просьбе редактора «Военного сборника», выдал ряд живых актуальных публикаций: «По Амуру и Манчжурии», «Мукденское сражение: 20-ти дневный бой моего отряда»... Все, вероятно, кончилось уже тогда, когда 12 апреля броненосец «Петропавловск» подорвался на mine, а вместе с ним погиб и надежда и совесть России адмирал Макаров. Кто же теперь будет этой надеждой и спасителем Отечества, смертельно, большого и несчастного? Полегли тогда многие, и сам он был ранен, один из его штабных убит, двое других отделались тяжелым ранением. Погибли и художник баталист Верещагин, и корреспондент от «Нового времени» талантливый живописец Кравченко, - какой великолепный портрет Павла Карловича он нарисовал! - богатырь с огромными пушистыми усами, спокойно-холодный вопрошающий взгляд серых глаз, высокий, стройный. Современники даже почувствовали некоторое сходство с государем Александром II. И пошли слухи гулять по ступеням высшего света, в военных кругах, что он тайный сын монарха. Некоторые завистники стали объяснять его скорое продвижение по службе не иначе, как этим сходством. Кончилось тем, что за этим последовали разного рода пресквернейшие козни. Но сходство с Александром, - с внутренней улыбкой замечал Павел Карлович, - было не только внешнее: он женился на Вере Николаевне с разницей, как и государь, в возрасте более чем на 20 лет. Но женился. Александр же вступил с Катень-

кой Долгоруковой только в морганический брак. Оба любили.

...Теперь Павел Карлович лежал на верхней полке шального поезда. На нижней среди незнакомых людей сидела его верная супруга Вера Николаевна: спальные вагоны были отменены, и первый «этаж» вагона представлял тяжелую картину «вавилонского столпотворения». Мешки, корзины, ящики, огромные узлы и свертки - все это в хаотическом беспорядке заполняло, что только можно заполнить. Пассажиры, как и вещи, размещались повсюду. В соседнем купе, какой-то растрепанный солдатик играл на разбитой гармошке, ему вторил, выделявая на одном и том же месте нехитрые коленца и хрипя во всю глотку «Эээх, Маруся, ты Маруся, зеленые глаза...», изрядно захмелевший матрос. Все что-то говорили, кричали, стараясь пересилить друг друга. Толстая с красным лицом баба на узлах огалтело возмущалась: «Чего?! Бо-о-о-га? Это где ж ты его, милоч, видел?» Ей кротко отвечал по виду священник: «Сударыня, грех-то какой. Не богохульствуйте.» «Нашли грех! Грехи - то у вас. Знаем мы, вас, безгрешных! Вон у нас бабюшка, - святой! А у самого полубовницы, и целых три. А нам теперича неча бояться, власть - наша, народная!» Где-то по проходу затеяли драку, и кто-то крепко и надсадно ругался, поминая всех богов и матерей.

Павел Карлович слушал и не слышал, он понимал одно, что вся эта анархия поможет ему удачно добраться до места назначения. Но тяжкие думы не покидали его. ...Вот ведь как все обернулось. Кто бы мог подумать, что за какие-нибудь немногим более 10 лет фронт передвинется на Дон с Дальнего Востока, где его, Ренненкампа, почитали героем: при всем том, что войну в Северном Китае считали некоторыми злые языки «ненастоящей», а русско-японскую - катастрофой. Лаоян, Мукден, Порт-Артур, - вот откуда все покатило. Но тогда спас Россию Витге, заставив го-

сударя ввести конституцию и проведя через США ряд выгодных договоров с Японией. Еще в первые месяцы войны 1914 года Павел Карлович был героем. Где же, от какой точки отсчета он перестал им быть? От разгрома 2-й армии Самсонова? Но ведь, видит бог, не виноват Ренненкампф, и об этом знали командиры, знал и знает штаб фронта, несмотря на происки Жилинского переложить всю вину за свою бездарность на его плечи. Но нет, ничего у него не вышло, - прискакал начальник штаба Янушкевич, проверил позиции Павла Карловича и ускакал уверенный: «Ренненкампф - все тот же». Так и передал в телеграмме Верховному Командующему, великому князю Николаю Николаевичу. Его даже наградили за то, что он в итоге, хоть и сильно потрепанную, но вывел свою армию из-под удара. А потом пошла пора неудач по всему фронту. Беспощадно кровавые и пораженческие сражения подорвали боевой дух русской армии. Павел Карлович многое видел на всех войнах своего времени и многое мог бы рассказать о смерти. Но то, что увидел на этой войне, свинцово ударило и обожгло его. Один фронтовой эпизод особенно врезался в сознание.

Стояла лилово-оранжевая сказочная осень. Павел Карлович подходил к месту прогремевшего взрыва как раз в тот момент, когда обезумевшие люди «приходили в себя» и, кто остался жив и невредим, поднимался, странно смеясь и недоумевая. На месте, где несколько секунд назад стояла группа офицеров, образовалась глубокая воронка, и клочья одежды, перемешанные с багрово-красным месивом, розовели по всей округности; только одного поручика лет 22-х смерть пощадила от своего зловещего уродства: он лежал поодаль, откинув наотмашь правую руку, как в прекрасном мифическом сне; лицо его, красивое и мужественное, было совершенно спокойно и только полуоткрытые глаза, в которых застыло угасание жиз-

ни, как будто удивленно говорили: «За что же?» Павел Карлович сразу узнал в нем недавнего юнкера, единственного сына у матери, хорошо знакомого ему по Виленскому училищу: талантливого и смелого юношу. Какое-то время он молча рассматривал это таинство красоты и смерти, не понимая, где же она, эта вечная злодейка, нашла уязвимое место, пока не увидел у правого виска, прикрытого лило-веющим шелком тополиного листа, тонкую краснеющую полоску. И тотчас почувствовал, как что-то тяжелое и колющее подступило к горлу и выжало на его глазах скупую горячую слезу.

Шло время, но это увиденное не забывалось. Особенно оно вставало, когда поражения следовали одно за другим и не предвиделась та сокрушительная сила, которая разом могла бы остановить этот общий трагический обвал. Для себя Ренненкампф хорошо понял одно: если все звенья одной цепи распадаются и летят в пропасть, на лету одному их не остановить. Всё и все летят и гибнут заодно. И никто ведь не расследовал его военных действий, но в отставку послали, и непереносимо-обидное «изменник!» шло за ним по пятам. А все потому, что инородец, немец. Шло время, а жестокие оскорбления продолжали падать на его седую голову, пока он не потребовал у государя создать комиссию и дать его военным действиям оценку. Ничего основательного она не выявила. Но результаты были похоронены под черным сукном судебных канцелярий, так как война достигла апогея и разглашать ее тайны не дозволялось. И опять все повисло в воздухе: он остался с клеймом несмываемого позора. А итог: Павел Карлович оказался не у дел, фронт же продвинулся на священный Дон, из реки которого когда-то побитый татарами гордый князь Игорь пил воду шеломами. Теперь там все: и Корнилов, и Деникин, и Краснов, и Романовский, и Алексеев... Каледин - казачий атаман, а Корнилов... удастся ли ему его «дело»?

...В Балагое поезд остановился, и зашла группа революционных солдат с красными повязками: проверка. Когда подошли к нему, он закрыл глаза: скорее от ненависти. Она отчетливо запылькала вдруг в его сузившихся зрачках. Вера Николаевна подала его документы на имя мещанина Смоковникова со словами «Он очень болен. Не тревожьте». И они прошли дальше на призыв о помощи: «Убийте честной народ. Граждане! Помогите!» Когда Павел Карлович открыл глаза, никого уже не было. «Слава богу, все обошлось на этот раз, - подумал он. - А может потому и не задержались, что с морозной улицы в переполненном вагоне сшибает от удушья, и дискомфортным он показался - разящий перегаром, куревом, грязью? Едва ли, едва ли... Сами того же поля ягода. Скорее это по бестолковости». Хотя он и сбрил роскошные усы, и в его портрете теперь что-то разительно изменилось, но опытному глазу было достаточно бросить взгляд, чтобы определить: какой он мещанин, - «военное» из него так и бьет. Павел Карлович вдруг поймал себя на мысли: что это я так раздумался; в этом беспредельном хаосе все бесследно теряется и перемалывается. И он - не исключение. Но ведь, как бывает, выручает случай, однако порою и сражает. Не следует, не следует преувеличивать последнее, так можно и совсем потерять голову. Уверенность - великая вещь, надежная и прочная. Она не подведет. Кому, как не ему, это хорошо известно. Неожиданно для себя Павел Карлович уснул. Он проснулся, когда поезд уже приближался к Подмосквью. Мелькали названия станций, полосатые дорожные столбы, та же метель выла в заснеженные окна.

Совсем стемнело, и с неба не светила ни одна звезда. Курило и в просторах поднебесья. На перроне грудились толпы народа: черные бушлаты, серые шинели, бекеши, тулупы, гражданские лица в пестрых одеждах и с разнородной поклажей. «Россия тронулась», - почти вслух подумал

Павел Карлович и сам удивился вдруг точности своего определения: «тронулась» - двинулась в неизвестность, «сошла с ума». Когда поезд остановился и они стали выходить, у самого входа их встретили несколько «гражданских», все, как узнал потом Павел Карлович, вышли из его Виленского военного округа. Они с трудом нашли извозчиков и все вместе двумя экипажами покатали к Курскому вокзалу. По дороге он узнал, что на Дону весьма тревожно. Узнал, что казачий Круг во главе с Калединым, избранным атаманом и знакомым ему по Киевскому округу, большевистские Советы не признал, но и с казачьей массой разделен, что Корнилов, переодетый под крестьянина, добрался до Новочеркаска только с сорока текинцами-«зверьями», - по дороге распропагандированные большевиками его воины разбрелись, - в Добровольческую армию из них записалось только 7 человек, - что в Ростове генерал Боровский формирует студенческие отряды, но, что из этого выйдет, одному богу известно; что в Таганроге тоже беспорядки: в порт прибыло 5 вооруженных транспортов с черноморскими моряками, и Каледин послал против них несколько сот казаков с артиллерией под командованием полковника Назарова, но как далее обстоят дела, - сведений пока нет. Узнал Павел Карлович и о том, что Деникин с Кутеповым, возглавив офицерские и юнкерские части, бьются где-то в направлении Матвеево-Курган - Марцево. Было над чем задуматься. Однако выхода не было. На Дону все-таки зреет какое-то противостояние, идет борьба, а в Петрограде что-то не видно, кроме утверждающей себя разнузданной большевистской анархии.

Им повезло. Поезд на Дон, внеплановый, неизвестно откуда взявшийся, отходил через 30 минут. И они уже в составе 10 человек сквозь очумевшую толпу пробились во внутрь вагона, холодного и нечистого. Когда замелькали за окнами заснеженные строения и деревья, Павел Карло-

вич огляделся на своих спутников. Один из них вызывал невольную улыбку. Это был поручик 9-го полка, высокий и изящный в движениях. Он странно выглядел в купеческой поддевке, которая так и выпирала из распахнутого овчинного тулупчика, явно пришедшего ему не по росту; его портрет довершали льняные волосы в стиле «а ля русс», - что делало похожим на бежавшего от погони попа-растригу. «Эка вырядился. Молодец!», - подумал Павел Карлович с грустной улыбкой. Поручик перехватил ее и ответил едва заметным обаятельно-благодарным движением глаз: «Есть у нас еще силы. Не разлетелись российские орлы». От этого тайного ответа тяжесть на душе Павла Карловича немного отлегла. Он посмотрел на спокойно сидящую Веру Николаевну и нежно пожал ее ледяную руку.

Ночью их разбудили одиночные выстрелы и крики. Поезд остановился где-то под Харьковом. И сейчас же с обоих концов вагона показались увешенные оружием в лохматых шапках-папах люди. Один из них весело-пьяно, нажимая на слова до хрипоты, оповестил: «Ххраждане! Соблюдайте спокойствие! Делаем досмотр вещей». И он бойко со словами «А ну покаж, тетка, что везешь» с силой рванул у оторопевшей женщины желтый кожаный чемодан. Поднялся крик, плач и чей-то надрывный голос прокричал: «Аспиды! Креста на вас, окаянных, нету!» А тем временем ватага увешанных оружием мужиков лихо расправлялась с личным имуществом граждан: кто-то бойко вспарывал шашкой содержимое пухлых узлов, кто-то, рванув окна вагона, вываливал в ревущую морозную ночь все, что попадало ему под руки. Когда очередь дошла до середины вагона, где разместился Павел Карлович с своими спутниками, он услышал сквозь нечеловеческий гам выстрел и увидел завалившегося на бок лихого налетчика. «Кто стрелял?!» - осатанело заорал огромный детина, неистово потрясая лимонкой. Но тут началось невероятное: Павел Кар-

лович ощутил страшный рывок поручика, мгновенно опрокинувшего навзничь противника, и взрыв за открытым окном, взметнувший комья снега, перемешанного с ледяной землей. Потом выстрелы раздавались по всему поезду и в метельной ночи он увидел бегущие и падающие фигуры людей. Они бежали к пустым повозкам, где слышалось тревожное ржание взметнувшихся коней, а вслед им неслись беспорядочные залпы трассирующих пуль. «Сколько же их едет на Дон, спасителей Отечества?» - пронеслось в сознании Павла Карловича. Его правая рука, опущенная в карман пальто, яростно сжимала холодную сталь маленького винчестера. И он понял: если бы не поручик, стрелять бы пришлось ему, в меткости попадания у него сомнений не было: как-никак, а еще будучи юнкером поражал своих учителей редким качеством отличного стрелка. И сейчас же, повизгивая и тяжело вздыхая, поезд стал двигаться, убийственно медленно, как показалось Павлу Карловичу, набирая ничтожный темп скорости. В мерцающем свете чудом уцелевшего фонаря, Павел Карлович увидел смертельно бледное лицо Веры Николаевны и, стараясь быть спокойным, тихо произнес: «Теперь все в порядке. Успокойся.»

И действительно, весь оставшийся путь они проехали мирно. Только под самой Иловайской к ним подсел какой-то пролетарий в картузе и кургузом пальтишке и стал говорить доверительно о боях, идущих повсюду. «Каледину скоро каюк», - сказал он, довольно улыбаясь и глядя куда-то в сторону. И чем ближе приближались к Таганрогу, тем отчетливее слышались выстрелы. Потом они ушли куда-то в сторону и совсем стихли. Уже стемнело, когда подъезжали к городу, - притихшему и настороженному, как перед страшной бурей. Но метель поутихла, и только слабая поземка стелила по земле небольшие холмы. Поезд шел дальше на Ростов, и Павел Карлович заметил, что пассажиров в Таганроге вышло немного, но вошло в вагоны гораздо

больше, так что народу на перроне порядком поубавилось. Навстречу им уже весело бежали молодые Аракины, - сыновья Марии Николаевны, старшей сестры Верочки. Сама же Мария Николаевна, поддерживаемая под руку супругом Николаем Дмитриевичем, шла быстрой скользящей походкой, широко улыбаясь и приговаривая: «Каждый день все ждем и встречаем!» Сестры встретились, обнялись и прослезились. Павел Карлович вошел в тамбур вагона и стал прощаться со своими спутниками.

- Удачи Вам, господа, в вашем героическом и святом деле. Веры, терпения и силы! Мужайтесь. И да поможет Вам Бог!

Поручик с благодарностью пожал ему руку и сказал на прощанье:

- Мы еще встретимся. Борьба только начинается.

Поезд, скрипнув, стал отходить. Павел Карлович легко спрыгнул с подножки вагона и, пока он не скрылся из виду, смотрел ему вслед. И вдруг почувствовал, как что-то безнадежно оборвалось, заполнив все его существо пустотой и неодолимым одиночеством. Он отчетливо услышал: где-то в дали надсадно запела флюгарка. Совсем как в Петербурге. И ужаснулся: «Неужели опять этот страшный роковой город?» За крайней платформой перрона увидел небольшую церквушку; молча перекрестился.

Подошла Вера Николаевна с Аракиными и отвела его от мрачных мыслей. Они пошли мимо вокзала к ожидавшему их экипажу. Павел Карлович обратил внимание на расклеенные в нескольких местах объявления. Одно из них гласило: «С 16 января на Ростов, Екатеринослав и Харьков поездов нет и неизвестно когда будут». «Вторая удача, - довольно улыбаясь, сказал он. - Добрались все-таки до места, да еще с грузом, - первая». Засмеялся весело, непринужденно и неожиданно для себя, обнял женщин, с редким изяществом усадил их в экипаж. Но вещи и все они, при-

ехавшие и встречающие, в него не вместились. Пришлось договариваться с желающими «отвести хоть на край света», которые тут же выкрикивали цену. Договорились за баснословную. Очень быстро достигли Николаевской улицы, прямой как стрела и совсем темной; только в начале горел одиноко и тускло полузаснеженный фонарь, - поехали по ней, освещаемые редкими звездами, холодными и загадочными. Было как-то странно видеть их засиявшими вдруг неизвестно как и почему в этом степном городе у самого моря. Павел Карлович про себя заметил, что жизнь здесь не замерла, а есть в ней, пока неизвестный ему, особый ритм. Навстречу им мчались великолепные рессорные коляски, фазтоны, легкие пролетки... Неожиданно их обогнал роскошный автомобиль.

- Присяжной поверенный Золотарев, - представила заочно Мария Николаевна, - шикарный мужчина!

- Да уж чего, а шика в нем предостаточно! Как-никак, а костюмы заказывает себе в Лондоне, - иронически улыбаясь в отвислые усы, пояснил в свою очередь Николай Дмитриевич. При всех своих регалиях он считался человеком скромным и внешний лоск понимал непозволительным. Должность военного прокурора и генеральский чин и без блеска выделяли его среди жителей Таганрога.

По тротуарам спешили прохожие. Было много офицеров, особенно каледицев: юнкера, штабс-капитаны, ротмистры, поручики... Они шли с блестящими дамами и без дам, весело и энергично о чем-то разговаривая. Павлу Карловичу это внушало какую-то неясную надежду: «не так уж все плохо». Они уже сворачивали с Николаевской на Успенский, - проехали по всей улице, чтобы показать город гостям, - как навстречу из-за угла с лихим гиканьем и свистом выскочила роскошная пролетка с электрическим фонариком и великолепной парой вороных коней.

- Это наш Федька Клюев развлекается. Папаша полго-

да назад помер. Так он наследство отцовское прожигает, - продолжал знакомить гостей с жителями города Николай Дмитриевич.

Мимо мелькали старинные и недавно выстроенные особняки, каменные с лепнинами, напоминающие чем-то Петербург в миниатюре. И от этого напоминания Павлу Карловичу снова становилось не по себе. Когда они въехали на Греческую улицу, Николай Дмитриевич, чтобы нарушить молчание, показал на двухэтажный особняк в пять больших окон с резным балконом на углу:

- Наш бывший Голова и Член Государственного Совета Павел Федорович Иорданов. Сосед.

Они остановились напротив дома Паласовой, где жила уже несколько лет безвыездно Мария Николаевна с мужем, и сейчас же выбежали им навстречу 17-летняя Ольга и младшая Татьяна, - обе Ренненкампф (не согласился Павел Карлович, чтобы дочь Веры Николаевны от первого брака носила другую фамилию. Так и порешили, забыв навсегда о неудачном браке Веры Николаевны с ветреным красавцем Владимиром Красса). За ними бежал еще кто-то из многочисленного семейства Аракиных. Но сразу предусмотрительно решили: эмоции перенести в стены надежного дома и там дать чувствам неограниченный простор.

Первый этаж дома Паласовой в 5 жилых комнат уютно разместил всех собравшихся. Аракины отличались гостеприимством и хлебосольством. Огненное время еще не сожгло в своих зловещих кладовых дары щедрой российской природы. Стол был уставлен дорогими винами, известными далеко за пределами города, великолепным Базеровским пивом, прославленной осетровой икрой, замысловатыми копченостями и соленьями... Мария Николаевна приложила немало усилий, чтобы удивить столичных гостей «парижским» тортом в 18 зажженных свечей: приближался новый год - 1(14) января 18 года от начала XX века.

За столом сидели шумно и весело. Пили за милое и счастливое прошлое, исключая чудовищное настоящее. Разбитые мечты маячили в далекой дали, но верить в их безвозвратность никто не хотел и отгонял прочь зловеще мелькнувшие тени. «Чур, не я! Не я, нет!» - хотелось крикнуть каждому, как в нехитрой детской игре.

За стенами дома что-то сильно ухнуло, отчего закачалась легким колокольным перезвоном висевшая над столом тяжелая люстра. Потом ухнуло еще и еще, но уже глуше и отдаленнее. Мария Николаевна попыталась внести в невольной образовавшуюся паузу небольшую разрядку:

- У нас теперь так часто бывает. Особенно по ночам. Или кто-то забавляется или испытывает силу перед другими. Теперь все можно, все позволено.

В этом пояснении много было неясного. Но Вера Николаевна внутренне благодарила Марию за ее стремление успокоить и отвлечь от недавнего пережитого и увиденного. Николай Дмитриевич поднялся из-за стола и чуть заметным движением дал понять Павлу Карловичу удалиться в его кабинет. За закрытой дверью они проговорила более часа и разошлись, не придя ни к какому решению. Перед каждым из них стоял настойчиво вопрос: как быть дальше. Николай Дмитриевич, насколько позволяли ему полученные за последние дни сведения, раскрыл перед Павлом Карловичем тревожную обстановку:

- К городу рвутся отряды Сиверса. Главковерх Антонов набирает силу, мобилизуя в свою армию все трудовое население, а казаки, на которых так надеялся «Центр», сражаться отказываются. Не хотят уходить от своих станиц. И выходит, что вожди белого движения переоценили возможности донского казачества. Каледин оказался в очень сложном положении. А еще в более критическом положении те, кто устремился на Дон с надеждой подпалить чувства патриотизма и благоразумия. Знаю, что прибывшему

генералу Алексееву Каледин посоветовал проводить вербовку как можно конспиративнее, да и саму организацию перевести за пределы Войска Донского. Сам-то Каледин - человек, которому можно верить, порядочный и честный. Старый казачий обычай свято хранит: «С Дона выдачи нет». И сам никому из прибывших в приюте не отказал, и лично из своих средств помогает беженцам. Но он бессилен, что-либо изменить в данной ситуации.

- А как же Корнилов? Ведь именно с ним связывают надежду на спасение России. Неужели провал?

- Судя по всему, «дело» Корнилова только начинается. На днях, ввиду того, что казаки отказались драться с частями красных, он перевел всю Добровольческую армию из Новочеркасска в Ростов. Но что-то у него в начале не заладилось с генералом Алексеевым. Два главнокомандующих и у каждого своя позиция. В последнее время они как будто пришли к согласию, поделив свои обязанности поровну: Корнилову - военная власть, Алексееву - гражданская, Каледину - все, что касается Донской области. Но средств на содержание армии у них почти нет.

- Как «нет»? А запасы в донских войсковых складах? Куда же они делись?

- А никуда. Казачьи комитеты все оккупировали. И распродают эти запасы, а вместе с ними воинскую честь и совесть, как им выгодно... Есть деньги, - получай, нет, - проваливай. А денег ни у Алексеева, ни у Корнилова нет. Ростовские да новочеркасские денежные воротилы не очень-то раскошеляются. Какую-то малость они пожертвовали, но армия продолжает терпеть нужду. Да и инфляция: сегодня жертвуют - много, завтра - это уже ничто.

Павел Карлович, слушая все это, мысленно задержался на дважды повторенном слове «жертвуют» и вдруг с абсолютной ясностью представил всю суть этого трагического слова так, что не сумел сдержать себя.

- Выжидают чего-то. Но они «дожертвуются», пока их самих большевики не лишат головы. Вот тогда они хорошо поймут, что такое «жертва». Вот вам и результат нашего сознания: Алексеев, который всего несколько месяцев назад имел в своем распоряжении миллиарды рублей военного бюджета, теперь униженно выпрашивает для своих солдат, чтобы спасти свихнувшееся Отечество, а с ним и его толстосумов, бросающих ему из вежливости копейки, - Павел Карлович остановился, будто споткнулся от пронизавшей его вдруг острой боли и, переведя дыхание, спросил:

- Ну а что слышно: велика ли армия Корнилова?

- Не знаю точно, но как уверяют, - более 3-х тысяч. И добровольцы едут отовсюду. Особенно «зеленая» молодежь Те, кто постарше из интеллигенции, помедливают, а эти рвутся в бой и ничем не остановишь. Рассказывали недавно забавный случай, как формировался добровольческий полк генерала Боровского из учащейся молодежи. Приходят трое юнцов лет по 12, не более, и предъявляют какую-то копию свидетельства, а там им уже по 16 годов. В этом возрасте, решили, зачислять в армию. И тут явился одного из них папаша. И залезли наши «воины» под стол с тайной просьбой «не выдавайте нас»... В течение месяца кто только не побывал у Каледина на Дону! Говорят приезжал «под гримом», да так, что и не узнать, - и сам Керенский, да не приняли его ни Каледин, ни Корнилов. Последний не мог ему простить историю своего похода на Петроград и быховского заключения. Побывал и социалист Струве, и бывший министр при Керенском Миллюков, и Потоцкий, совсем недавно оставивший губернаторство в Ростове, и сын Суворина Борис, издававший газету «Вечернее время»... И даже Борис Савинков, на днях как будто бы уехавший в Москву «будить» демократические силы.

- Ну, этот уж точно «пробудит». И непременно затеет какую-нибудь очередную авантюру. Весьма сомнительный

тип. Таких и близко к армии нельзя допускать! Комиссары, комитеты, комитетчики... Они-то и развалили ее.

- Вот-вот. На исключении их и строит свою армию Корнилов: без дисциплины нет армии, и подчиняться она должна только командиру. Потребовал введения даже смертной казни, утверждая, что не будет армии, не будет и России.

- А что же в самом Таганроге? - спросил Павел Карлович неожиданно перейдя к самому тревожному для него вопросу. - Есть ли силы, способные противостоять большевистскому натиску?

- Одним словом не ответить, - помедлив промолвил Николай Павлович. Тут вот какое дело. Как только произошел переворот, в Таганроге и в Ростове большевики быстро ухватились за власть. И Каледину, который дал совет прибывшему из Центра Алексееву удалиться на время с Дона, чтобы «не тревожить казаков», ничего другого не оставалось, как обратиться за помощью к тому же Алексееву. И он ее тут же получил. Отряд из офицеров и юнкеров в 500 штыков освободил Ростов и пошатнул власть в Таганроге... В городе есть хорошая юнкерская школа до 800 штыков. Есть генералы, много офицеров,... вообще чинов хватит. Ну а политический комплекс - весьма пестрый. На митингах выступают бежавший из Петербурга кадет Родичев, эсер Воронов, черносотенец от «Союза русского народа» Севастьянов... Что касается товарища городского головы Михайлова, этот прапорщик, бывший меньшевик, - человек довольно инертный. Впрочем, город весь на виду. И нетрудно в нем что-то понять. Даже внешняя его сторона вся как на ладони, - представлена всеми нациями: греки, итальянцы, французы, евреи...

- Только немцев нет, - грустно улыбнулся Павел Карлович. - Все оказались вдруг виноватыми.

И Николай Дмитриевич наконец решился:

- Что же будем делать, если войдут большевики?

Для Павла Карловича этот вопрос неожиданным не был. Он засел в его сознании с того самого момента, как в Петрограде он вошел в поезд и тот помчал его стремительно к этой южной морской окраине. Но он не ожидал, что именно сейчас его спросят вот так вдруг и нужно будет отвечать на него четко и решительно. И он, смутившись и покачав слегка головой, проговорил:

- Не знаю, не знаю... В эпохи страшных потрясений генералы без армий становятся лишними и их убирают.

- Ну а если придется драться? - решил довести заданный вопрос до конца Николай Дмитриевич.

- Драться? Как и чем? Кто пойдет под знамена генерала Ренненкампа, списанного за ненадобностью еще во времена законной власти и за которым тянется шлейф компрометирующих слухов «изменника»? Если воюет страна, к нации которой принадлежит личность, тут уж если эта личность никогда и не видела этой страны, все равно виновата во всем. Виновата в том, что другая воюющая сторона, с которой исконно личность связана, терпит поражение! Виновата в «шпиономании», виновата в беспорядках в тылу, виновата во вредительствах на военных заводах! Виновата... - как будто крепкий жгут перехватил дыхание Павлу Карловичу, и он с разбегу остановился на половине фразы. - Трудно сказать, в чем он не виновата. Личность, - это малая песчинка, подхваченная бушующим ураганом, и отвечает за всю нацию. Это как? И уж если казаки не доверяют или по какой-то другой причине не хотят идти за исконным казаком Калединым, если перед русским главным командующим Алексеевым толстосумы зажали свои кошельки, то в случае чего перед немцем Ренненкампом будут закрыты все двери...

- Павел Карлович, но ведь вы были кумиром юнкеров. Я это хорошо знаю по Виленскому округу. За вами шли,

вас любили...

- Кумиры... любили... Где эти «любящие» теперь? Разбитый вдребезги сосуд еще никто и никогда не смог собрать в его первоначальной форме. А деформированный уже не прекрасен... Видел я, отправляясь сюда, эти разбитые осколки Виленского округа. Один, два, три... Ну, а вы, что решили, Николай Дмитриевич? - вдруг спросил Павел Карлович своего собеседника.

- Я? Ничего. Подожду какого-нибудь исхода, а там посмотрим. Думаю, в случае чего, моя личность не сразу привлечет внимание большевиков. Жил внешне тихо, не связывался ни в какую политику. Дай бог, пронесет.

- И вы согласны на примирение? - подняв крутую бровь, с металлической нотой спросил Павел Карлович.

- Боже упаси! - взмолился Николай Дмитриевич. - Но никто не застрахован быть застигнутым смертельным ветром в пути. И идти ему навстречу - равносильно гибели. Благоразумнее переждать под крышей надежного дома.

- А если этот дом окажется ненадежным, и буря все-таки ворвется под его крышу и вас возьмут за горло, тогда как?

- Тогда ничего не поделаешь. Придется покориться воле божьей.

- Да ведь воля-то не божья, а басурманская, - пьяной взбесившейся толпы, которой и море пролитой крови по колена! Ей важно выплеснуть свой разгулявшийся азарт. И тут уж, конечно, она никого не пощадит и ни перед кем не остановится. «Генерал», «прокурор»... - сами эти слова для нее - объект звериной страсти. Я насмотрелся на эти ревущие обезумевшие толпы в Забайкалье и знаю, что это такое. И покориться им, отдаться на растерзание добровольно?

- Дорогой Павел Карлович, я много думал и сейчас еще не пришел к окончательному решению, что делать.

Уверен только в одном: с этой разнузданной стихией под одним небом мне не жить. В случае чего - море рядом, можно уйти к турецким берегам. Но сейчас это невозможно. Зима. И дальше Азовского моря не пройти. Черноморский флот жарко дышит большевистской партизанщиной. Когда матросы узнали, что к Каледину на Дон собираются офицеры, они пригрозили ему враждебными действиями. И казаки тоже на этой почве откачнулись от своего атамана. Ведь как они рассуждают? Если пустить офицеров на Дон, тогда непременно и большевики придут. А если не пустить, - все будет тихо, мирно.

- Значит, отгородиться решили? Пусть воюет Россия, а мы - сами по себе. Дон «самостийный».

- Значит так оно и значит, - скаламбурил Николай Дмитриевич. - Все идет к тому, что огонь не утихает, а набирает силу и устрашающую. И скоро начнет полыхать по всей России-матушке.

- Да он уже занялся кровавым заревом. - Павел Карлович подошел к окну и увидел в его широком проеме все небо, светящееся алмазами мерцающих звезд. - К чему бы? - подумал он. Но вслух сказал совсем другое. - Уйдем, а они останутся. И по звездам наши потомки будут читать, как мы страдали, жили, уходили. - Помолчав, добавил: «За себя не страшно. Страшно за них, - он показал на дверь. - И за Россию».

Нет, Павел Карлович не кривил душой. Он действительно был человеком лишенным показного фанфаронства и не любил рассказывать о своей смелости. Храбрость и бесстрашие застыли в его крови. Было время, когда в Манчжурии, перед дивизией, стоящей на 25-градусном морозе, перед самым носом противника, он демонстративно проводил рекогносцировку в одном распахнутом мундире, босой, с примерзшими к стремянам ногами; еще совсем недавно на освобожденной от немцев территории, предотвра-

щая панические слухи «немцы в тылу», мог легко выйти на дорогу и хладнокровно стать на пути обезумевших коней. Все это было. И сейчас еще оставалось с ним. Жизнью своей в бою он не дорожил. Но отдать ее просто так в руки толпы, не был согласен. В тоже время он понимал, что встать одному против бури со всем своим мужеством и бесстрашием отдавало затянувшейся романтикой. О стихии, уничтожающей прекрасного героя на виду у ликующей толпы, Павел Карлович когда-то читал в увлекательных романах Стендаля. В юности они захватили его. Забайкальские события поубавили эту увлеченность. Теперь он представлял все это далекой легендой, которая роковой светящейся тенью напоминала о своем существовании. Но рядом с ней во всей огромности вставало нечто бесформенное и ужасное, оно подходило все ближе, совсем вплотную к его высокой фигуре и властно требовало решительного участия. Он увидел себя со стороны, рядом с ним, с этим ужасным, и понял: от него не уйти. Из минутной задумчивости его вывели звуки рояля за дверью и голос, низкий, волшебный, берущий за душу. «Верочка», - безошибочно узнал он. И отойдя от окна, грустно сказал:

- Что их ждет! Страшно подумать, - он посмотрел прямо в глаза Николаю Дмитриевичу и вдруг увидел в них тот же застывший страх, но и скрытую надежду: «А может быть». - Вы знаете, что сделали они с генералом Духониным после того, как он выпустил из быховской тюрьмы всех узников, - тех самых, что ныне на Дону формируют Добр-армию? Оголтелая толпа окружила вагон и потребовала от комиссара Крыленко выдать врага революции. Тот пытался утихомирить ее, призывая к революционной сознательности. Но его слова потонули в ревушем море. «Давай! И никаких!» - ревели озверевшая толпа, напирая на Крыленко. И тогда вышел сам Духонин: «Дорогие товарищи...» - только и успел сказать, а ему штык в спину; набро-

сились осатанело, стаскивая уже с убитого одежду, сапоги, выворачивая карманы. Но этого оказалось мало. Вся шальная орава рванула на квартиру Духонина, чтобы растерзать и его жену. Ее спасло только то, что в этот момент она молилась в церкви.

- Какой ужас... - произнес Николай Дмитриевич. - Вот что значит беззаконие и безвластие. Хуже разбойников. Все эти Пугачевы, Разины, Васьки Белоусы бледнеют перед ними.

- Вы для них, Николай Дмитриевич, просто генерал, просто прокурор, а я еще ко всему «палач», «каратель», «изменник» русского народа. И так, чужой среди своих, враг - среди чужих. В итоге, в жутком промежутке. Где же выход? Где?... - Павел Карлович с силой пробарабанил тонкими пальцами по гладкой поверхности стола и неожиданно, вставая, сказал:

- Оставим разговор на завтра. Сколько у нас еще будет этих «завтра», одному господу известно. А сейчас идемте. Ведь все-таки Новый год. Может быть последний для нас на этом белом свете.

Часы в гостиной пробили 12. Все сидящие за столом наполнили бокалы, и Павел Карлович, поднимая искристое шампанское в дорогом венецианском хрустале, повеселев и охватив всех участливым взглядом, произнес: «За всех вас!... И за Россию!»

Потом были танцы, смеющиеся диковинные маски, пылающие нити серпантина, неожиданные «хлопки» и сквозь легкое дымовое облако - пестрый новогодний дождь конфетти. И пение. Опять пела Вера Николаевна. Неожиданно Павел Карлович подошел к ней, сидящей у рояля, обнял за плечи и попросил: «Спой мой «вечный» романс «Не уходи, побудь со мной». Она запела, а он слушал, воскрешая из призрачного небытия туманные картины, события, далекие образы. Впервые эти незабываемые строки открылись

ему несравненной Анастасией Вяльцевой; с тех пор он стал ее страстным поклонником. Она не раз приезжала в Вильно, откуда начинался ее стремительный певческий путь, приезжала во время русско-японской войны в огненную Манчжурию к своему супругу, - раненному в бою полковнику Бискупскому и не один день провела у его постели. Ее голос звучал в офицерских салонах, и даже Главковерх Куропаткин не устоял и увез в своем вагоне на фронт весь набор ее грампластинок. Последний раз Павел Карлович видел «несравненную» в 1912 году на шумных гастролях в Вильно. А через год наступил финал: ее хоронили в день его приезда в Петербург. Проезжая по Невскому, он увидел море людей, идущих за гробом. «Кого хоронят?» - спросил он. «Несравненную Вяльцеву», - ответил ему плачущий по виду студент... Вера Николаевна пела, а перед ним проходило минувшее время, - славы, удачи, триумфов. В сознание настойчиво вторгалось короткое слово «не уходи», и этим словом он сам как будто заклинал и ее, Веру Николаевну, и всех видимых и окружающих его в этот момент: остановить, оградить от внешнего страшного мира, спасти, что осталось еще от разбитого вдребезги неумолимого бытия. «Не уходи! Не уходи!» кричало его сердце. Когда Вера Николаевна кончила петь, проиграв последний печальный аккорд, он взял ее тонкую руку и осторожно, как берут драгоценный сосуд, поднес к сухим губам. Совсем как тогда, в день их первой встречи. ...Она приехала в Вильно к Марии Николаевне, недавно ставшей женой Николая Дмитриевича. Стояло жаркое лето. И он увидел ее в белом кружевном платье с копной темных волос поднятых вверх, тонкую и изящную, поразившую его каким-то непонятным сходством с кумиром эстрады Анастасией Вяльцевой. И участь Павла Карловича была решена.

... Время приближалось к рассвету. Новогодняя встре-

ча завершалась. Павел Карлович вдруг вспомнил из репертуара русской поэзии: «Кончен пир. Умолкли хоры. Опрокинуты амфоры...» И удивился неувядаемой «планетарности» этих тютчевских строк. Амфоры опрокинуты - венчальный конец всему. Что же за ним? По буддийской религии - нирвана. Когда-то он хорошо изучил ее тонкие премудрости: чтобы достигнуть нирвану, нужно пройти 12 сложнейших этапов, - от принятия решения родиться среди людей до проповеди всепокоряющей кармы. Шакья Муни достиг этого к 80 годам. Судя по сему, ему, Павлу Карловичу, отпущено еще чуть ли не два десятилетия. Но он ведь не буддист, он даже не лютеранин. Он - славянин с немецкой фамилией. И что же? Амфоры опрокинуты, и ничего больше...

Дом Аракиных пробудился поздно, когда морозное солнце холодным янтарным блеском уже освещало светлые стены просторных комнат. После завтрака Павел Карлович решил пройтись по городу, познакомиться с его атмосферой. Николай Дмитриевич охотно вызвался его сопровождать, к тому же нужно было зайти к домовладельцам Деминым, у которых заблаговременно Аракины договорились снять для приезжающих Ринненкампов второй этаж. Наступил новый 1918 год по григорианскому календарю. Они вышли и сейчас же почувствовали острую крепость морозного дыхания, редкую для приморского города безветренную тишину. Пошли по Греческой мимо строгого каменного особняка Цысаренко, пересекли переулки Коммерческий и Успенский, по обе стороны улицы открылись роскошные хоромы грека Номикоса и городского головы Иорданова и, пройдя еще немного, оказались у дома в 2 этажа Деминых. Дом был немногочислен: уже немолодая хозяйка и ее дочь. Дворянский род домовладелицы, вероятно, обнищал давно, судя по обстановке и немногочисленной прислуге: кухарка да горничная, но и они были приходящими и скорее выполняли свою работу время от времени. Такая без-

людность устраивала Павла Карловича. Он поклонился домовладелице и, уходя, сообщил о своем решении завтра же к вечеру перебраться в ее светлые и уютные комнаты. Они спустились по резным чугунным ступеням и пошли далее по Греческой, минуя особняки Лакиеров, из богатого помещичьего рода которых происходила супруга Иорданова. Елена Александровна, красивая экспансивная женщина, и депутата Государственной Думы от войска Донского Араканцева. Возле дворца Александра I Павел Карлович остановился и молча стал рассматривать его.

- Какая щедрая простота и непритязательность! - наконец проговорил он. - «Жил в дороге и умер в Таганроге». А может быть и не умер, и тень его до сих пор блуждает в этом городе? На что уж Лев Толстой был недоверчив к слухам, а написал «Житие старца Федора». Не поверил во внезапную смерть государя. - Помедлив, закончил: «Что-то теперь ждет нашего государя Николая Александровича. Если запольхает по всей России, ему не уйти из Тобольска. Дай бог, чтобы не тронули семью. От «этих» можно ожидать всего».

- Будем надеяться, что в случае чего, его защитят, - робко заметил Николай Дмитриевич.

- Кто «защитит» монарха, отказавшегося собственноручно от власти, монарха, у которого нет ни армии, ни силы, ни грядущего, - того, кто своим отказом подписал себе смертный приговор?

- Но, может быть, там, в Сибири, найдутся силы, способные оградить его? Ведь то, что закручивается здесь, на Дону, - это еще не вся Россия. И нужно надеяться, за Уралом - мужик крепкий, и его святая вера не даст порушиться России.

- Вы когда-нибудь видели «цепную реакцию»? Если разрушается одно звено, остальные следуют за ним, разлетаясь и падая. И чтобы остановить этот процесс, нужны силы

несколько раз мощнее тех, что удерживали эту единую цепь. А мы потеряли всякую силу и всякий разум, когда Февраль провозгласили самым святым и бескровным, когда офицерам перестали отдавать честь и вежливо предложили снять погоны, и тогда наш народ-«богоносец», а вместе с ним и многострадальный солдат так ахнули, что Россия полетела в тартарары! Все началось с армии. Перешагнули через нее, теперь перешагнут и через Россию.

- Но какая-то Россия останется, и та, оставшаяся, вдруг поймет, куда она влетела. И, поняв, покается, а покайся, начнет возрождаться.

- Покается? Возможно, когда-то. Что же касается возрождения, то на развалинах или пустом месте его уже быть не может, так как от истинно российского ничего не останется. Возродить, то есть создавать, в лучшем случае будут те грядущие поколения, которые нашей России не видели и не знают. Дай бог, чтобы кто-нибудь из древних стариков поведал о ней этим самым новым поколениям. «Вечные женихи» революционной Пенелопы постараются сделать все, чтобы от нашей России ничего не осталось. - Павел Карлович немного помолчал и потом добавил: «Не был бы слаб характером государь Николай Александрович, не произошло бы то, что мы видим сегодня. А то одних он не хотел обидеть, других было жалко, третьих отвергнуть не позволил этикет... И пошло и поехало. Все недовольны, все бастуют, все требуют. Уж на что брат его бывшей возлюбленной Матильды Кшесинской артист Мариинки и тот забастовал, - с чего бы ему-то? А Михаил Александрович, брат государя? Женился тайно против воли Романовых на графине Брасовой, и та в отместку, не прощая своего унижения, широко распахнула двери всем левым силам, не исключая и депутатов Государственной думы. Говорили, что в ее салоне такую крамолу несли, за которую в нормальной стране графиня бы поплатилась тюрьмой. А Кирилл

Владимирович Романов? Тот переплюнул всех: в Феврале вышел со своими гренадерами на площадь с красным бантом на груди приветствовать самую «святую» и «долгожданную»! Чумная страна да и только».

Николай Дмитриевич слушал и ему казалось, это не Павел Карлович говорит жадно и взволнованно, а он сам, пропуская каждое слово, каждый невысказанный вздох через свое раскаленное сознание. Он отчетливо почувствовал, что на все услышанное ему страстно хочется крикнуть противоположное «а может быть!», которое повернуло бы весь этот жуткий метельный ураган в иную, благодатную сторону. Но ему удалось сдержать себя, сказать совсем иное, злободневное. Когда они свернули к морю навстречу идущим двум подвыпившим парням, он проговорил:

- Вчера утром у памятника Петру два захмелевших мужика разожгли высокий костер. Подоспел становой и ну их стращать, а один ему отвечает: «Так Петр, во-где! - а огонь понизу, козь и достанет, так самую малость, - ну, мужа, обувку. А так мы доглядаем, чтоб ни-ни. Не извольте беспокоиться, это мы Миколку скинули, а Петра, - пусть и постоит малость. Он нам не мешает. Вот только маленько обогреемся».

Павел Карлович покачал головой и вздохнул. У Троицкой церкви зазвонили обедню, и от этого стало на душе спокойней: не иссяк еще российский дух, жива его святая вера и надежда, если звонят эти торжественно-величавые колокола. Они повернули по направлению к чудному перезвону и скоро остановились у старинного каменного храма. У входа толпилось много народа. Была масса нищих, просящих у паперти подаяния. Прихожане входили и выходили, бросали им монеты, часто крестясь, откланивались. Чуть поодаль стояла группа юнкеров, офицерские шинели, крестьянские тулупы, публика побогаче в меховых шубах и полушубках, внушительная и степенная. Некоторые из

них осеняли себя крестом, шепча чуть заметным движением губ святую молитву. И только несколько резвых подростков бойко шныряли в толпе, расталкивая и тревожа эту благодатную атмосферу тишины. Внезапно раздался резкий пронзительный крик: «Аспиды! Украли! Украли кошелек!» И атмосфера тишины мгновенно стала походить на развороченный улей, в котором что-то кричало, голосило, надсадно и часто причитало. Один из стоящих справа пожилых мужчин, энергично размахивая руками, доказывал другому:

- Вот что делается! При царе-батюшке такого никогда не выдывали. В святом храме, у бога на пороге, и так безбожно грешить!...

- Да бывало, брат, и ранее такое. Ну это уж злодей из злодеев мог сотворить такое в святом месте.

Другой, что помоложе и повыше, из всех сил старался опровергнуть своего соседа:

- Да вжисть такого не было. Воровали да не в церкви. И куда только власти смотрят!

- Где она эта власть? Забыли уж и какая она. - вмешался мужчина, внушительный, с окладистой бородой.

- Присяжной поверенный Михаил Петрович Араканцев, - пояснил Николай Дмитриевич. - А те, двое, братья Лобода, бывшие извозчики. Их старший брат, богатый купец, оставил наследство в два миллиона рублей с благой целью: провести в городе водопровод. Ведь до сих пор живем, как на острове Пасхи дикари, - хлестаем воду из ржавяющих цистерн. Да только нашлись еще какие-то наследники. Дело обернулось судом. Вызвали из столицы знаменитого адвоката Малянтовича. И... проиграли все. Ушли деньги в городскую казну. А тут революция да мятежи, и все покатило под гору, и капиталы Лободы тоже.

Вошли в церковь. Служба уже началась, и многоголосый хор на клиросе волнующе и трогательно выводил за-

ветную «Ектинью». Павел Карлович еще в детстве любил бывать у заутренней, слушать пень за обедней. И теперь, ощущая эти берущие за душу голоса, на мгновение перенесся в далекую пору молодости, когда он, к тому времени принявший православие, приходил в небольшую сельскую церквушку недалеко от их имения, и сам подпевал с хором псалмы и песнопенья. Он посмотрел на Николая Дмитриевича, страстно молящегося, купил большую свечу и поставил перед иконой Владимирской богородицы, заступницы всех сырых и обездоленных. Трижды осенил себя крестом и долго стоял перед ней, опустив низко голову.

Тусклым огнем горели вокруг свечи, а с высоких стен храма вопрошающе смотрели лики святых, хор грянул «Верую!» и голос отца Афанасия властно включился в мощный поток страждущих голосов: «Во единого бога Отца, Вседержителя творца... всех видимых и невидимых...» В этот момент Павел Карлович отчетливо почувствовал, как велика объединяющая сила святого храма, собравшего под свои высокие своды людей всех сословий и призваний: этих незнакомых ему извозчиков и присяжного поверенного, юнкеров и мужиков, прихожан с достатком и неимущих... И если большевики упразднят храм, то что же объединит народ, поставит заслон человеческой ненависти, кто откроет человеку всю важность ответственности перед своей совестью, - ведь она самый грозный и требовательный судья? Сколько уж лет прошло, а до сих пор его, Павла Карловича Ренненкампа, не покидают жуткие картины Забайкальского мятежа и мятежа «боксеров» в Северном Китае. Правильно ли он поступил тогда? Мог ли действовать иначе, обойтись без крови? Но приказ был дан свыше «стрелять», а приказ либо выполняют, либо не выполняют, - в последнем случае ты нарушаешь клятву солдата, которой обязан служить, посвятив себя профессии воина. Приказы наповину исполнять нельзя: выпущенная пуля посылается в че-

ловека не для жизни, а для смерти. И смерть от руки смертного всегда считалась великим грехом. Но человек живет в обществе и по законам этого общества, которые не всегда совпадают с законами божьими. Одно из этих несовпадений - на пересечении запрещенного и дозволенного: в каких случаях можно ввести силу и пролить кровь во избежание более страшного кровопролития? На этот вопрос нынче Павел Карлович не знал ответа. Со всей ответственностью он понимал, что любой его ответ упирался во что-то непроницаемо-черное и жесткое, как железо, остуженное до блеска на крещенском морозе. От этой неразрешимости ломило виски и земля качалась под ногами. Хор еще раз грянул «Верую!» и мгновенно смолк. Наступила оглушительная тишина, в которой было слышно человеческое дыхание и легкий шепот, оживляющий неподвижную толпу. Николай Дмитриевич первый очнулся от продолжительного молчания и, едва тронув за руку Павла Карловича, показал ему на выход. Они пошли, пробираясь сквозь сплошное кольцо собравшихся людей, прокладывая дорогу желаящим выйти. Кто-то поклонился Николаю Дмитриевичу, бросив скользкий взгляд на Павла Карловича. Зажженную свечу у выхода все время гасило морозным ветром, и сухая закутанная в платок до бровей монашенка никак не могла зажечь огонь. Ее губы что-то шептали. Павел Карлович достал из кармана заветную походную зажигалку и поднес заигравшееся пламя к свече, она тут же запылала, склоня огонь во внутрь храма. Монашенка поблагодарила, перекрестив свечу и трижды осенив Павла Карловича.

Яркий диск низкого солнца кроваво золотил наезженный снег на дороге. Мороз крепчал, но было тихо. «К ветру разгорелось», - промолвил Николай Дмитриевич и, немного помолчав, добавил: «В этом году зима не балует: то мороз свирепеет, то метель стонет». «Все как в нашей жизни и в российской истории: то плачем, то лютуем, а то хохочем

над своими бедами как безумные», - ответил, невесело улыбаясь, Павел Карлович.

На Большой Петровской было многолюдно. Казалось, время не убавило прежней народной тяги к радостям новогодних празднеств. Прошла под свист и гомон группа подвыпивших казаков, шапки на затылке лихо заломлены, в глазах - пьяный азарт, в каждом движении так и бьет удасть. Промчалась на взмыленном лихаче веселая орда молодых людей с песнями и хохотом. Важно шествовали по заснеженному тротуару празднично одетые пожилые пары. Оживленные молодки в цветных шالях и полушубках, румяные от мороза, стояли у ворот, задорно поглядывая на прохожих и отплевывая шелуху семечек. Юнкера, восторженные девицы, чопорные чиновники, захмелевшие солдаты, лихие извозчики, улыбающиеся городовые..., словоохотливые коробейники, мелкие лавочники, щедро обслуживающие честную публику; вино на разлив, вино в бутылках, огромных и миниатюрных, - все это шумело и бурлило, как клочущая в давние времена веселая ярмарка. Тут же бойкий продавец газет озорно выкрикивал последние новости минувшего дня: «Большевики у стен нашего города! Корнилов сформировал 3-х тысячную армию! Казаки Дона не подержали Каледина!... Читайте! Читайте!...»

Павел Карлович купил несколько газет, все они были местного характера: «Приазовский край», «Рабочее слово», «Утро», «Таганрогский вестник». В последней на первой странице он прочел заголовок: «Большевики на подступах к Таганрогу». Мгновенно охватив немногословную информацию, Павел Карлович с недоверием сказал: «Ну, это мы еще посмотрим. Пусть «переступят», - на что Николай Дмитриевич ответил: «Чумаченко старается опередить события. Ловкий малый. Успел и жениться во время на дочери Кокарева, и завладеть его типографией и газетой. И откуда он только черпает такие сведения».

Сунув газеты в карман полушубка и решив про себя: «Просмотрю повнимательнее дома», Павел Карлович посмотрел на часы. «Который час, ваше высокородие?» - спросили его за спиной. Он обернулся и увидел стоящего перед ним штабс-капитана Попова.

- Вы не уехали?! - немало удивляясь, спросил его Павел Карлович.

- Нет, я не доехал, - ответил тот сдержанно.

- Что случилось? Ведь вы должны быть уже у Корнилова? - почти шепотом произнес Павел Карлович.

Они отошли в сторону и, помедлив, стали спускаться по Полтавскому переулку. Когда достигли безлюдных мест, штабс-капитан продолжил:

- На железной дороге орудуют банды красных. Наш поезд был остановлен и пассажиры рассеялись, мне удалось бежать в крестьянской телеге, которая ехала в Таганрог. И вот я здесь. Дальнейшее покажет время. Возможно, осмотревшись, завтра двинусь к намеченной цели. О товарищах пока ничего не знаю. Будем надеяться, что им повезло больше, чем мне, и они уже в Ростове.

Где-то далеко на востоке загремели орудийные раскаты и также мгновенно стихли. То ли послышалось, то ли в самом деле. Но штабс-капитан пояснил: «Это они палят.»

- Вот вам, бабушка, и Юрьев день, - задумчиво произнес Павел Карлович, и от этого старинного изречения на душе стало еще мрачнее. - Да, дела все более осложняются и кольцо сжимается все туже. А удастся ли разомкнуть, - никому неизвестно.

Решили, что штабс-капитан переночует у них, а завтра будет видно, что делать и как быть. По дороге им встретились двое подвыпивших мужиков, один - из казаков, что похмельнее, кричал надрывно:

- Не отдадим землю жидам! Всех в кррровь пустим!
Другой, потрезвее, уламывал буяна: «Ну, будя, будя. Да

угомонись ты, вот окаянный!» Но «окаянный» и не думал смиряться, он рвал на себе одежонку, пьяно куражась и опрокидывая провожатого. Неистовые выголки раздавались далеко по околотку. В тишине морозного воздуха гулко отзывались шаги прохожих. На Успенском соборе тяжело ударил колокол, потом вступили в многоголосный хор другие колокола, потоньше и переливистее. Начался великолепный перезвон, что так умиротворяет и радует человеческую душу.

- Успенская звонница, - едва приостановившись, проговорил с любовью Николай Дмитриевич; помолчав, добавил: «Какая красота! И дай бог, чтобы не прозвучал колокол-бас, хотя бы в эти новогодние дни.»

Он перекрестился, как будто заклиная неведомую силу повременить, отсрочить страшное нашествие, а может быть и совсем отвести, похоронить в тайных кладовых бессрочного времени.

Дома они встретили еще одного гостя. Вальяжно раскинувшись в кресле сидел Павел Федорович Иорданов. Доктор и меценат, представитель высшей Законодательной Палаты, женатый на богатой помещице Лякиер, он высоко ценил общение с Николаем Дмитриевичем, человеком набожным и большим интеллектуалом. В последнее время он частенько заходящая к нему «отвести душу» или обсудить кое-какие тревожные новости. О приезде Павла Карловича ему было известно несколько дней назад. С ним Иорданов был знаком еще по Петербургу через Веру Николаевну, когда подолгу жил в этом загадочном городе на правах Члена Городского Совета. И теперь его сжигало нетерпение узнать «с первых рук» о том, что происходит там, в грозовой столице. Они пожали друг другу руки, и Николай Дмитриевич представил ему неожиданного гостя штабс-капитана Попова. Доверие было взаимным, и можно было без всяких таинств говорить о вещах самых секретных. Это хорошо

знал и сейчас почувствовал Павел Федорович, потому и первый вопрос, который он задал только что прибывшим, был рассчитан на откровенность.

- Надолго ли к нам и с какой тайной миссией?

В одном вопросе сразу два ответа смутили Павла Карловича, и он, уклонившись, откликнулся неопределенно:

- Пока неведомо. Время и обстоятельства покажут, что делать.

- Оно-то время, Павел Карлович, в самый раз. Не далее как сегодня мне сказывали, что Каледин пригласил в Таганрог несколько сотен казаков с артиллерией и пулеметами под командованием полковника Назарова. Но казаков стали смущать большевистские агитаторы и 3 казачьи сотни от несения службы по охране города отказались. - И неожиданно после сказанного Павел Федорович уже с металлом в голосе спросил: - Вы ночью слышали далекий грохот? Бои с красными идут недалеко от города. А Корнилов перевел ставку из Новочеркасска в Ростов, - казаки против него настроены враждебно. Еще в ноябре-декабре было немало случаев, когда за деньги они выдавали офицеров большевикам. И ходят упорные слухи, что Корнилов подумывает оставить со своей армией враждебный ему Дон и идти в ином направлении: не то на Кубань, не то в черкесские аулы для пополнения и передислокации.

- Понятно... - задумчиво проговорил Павел Карлович. - Вот и штабс-капитан пробиться к Ростову не смог. А пробиться необходимо. - И помолчав уже Павлу Федоровичу: «Есть ли надежда, что большевиков в город не пустят?»

- Своими силами город не удержать. Юнкера - главная опора, смелые и рвутся в бой, но им не совладеть с этой вставшей на дыбы беспредельной стихией. Здесь нужны надежные регулярные войска, и вероятнее всего, конница, которой у большевиков нет да и создать ее не так просто. Казаки, - вот где настоящая сила, но она предает и нас и

себя.

- Итак, круг замыкается, - с горечью произнес Павел Карлович.

Вошла Мария Николаевна и пригласила всех к столу. На время разговоры были оставлены и все взволнованные, сдерживая себя, сели за стол. Павел Карлович с неожиданным вниманием заметил горящую красноватым прозрачным отблеском в граненном штофе вишневую наливку и удивился растроганно и мило: его любимая! Широко улыбаясь, сказал:

- Откуда же узнали? Надо же... В такое время. - И было странно видеть эти его человеческие слабости, которые обычно скрывались глубоко и невидимо для других, - его, кто воплощал в себе, в представлении военной среды, жесткость и требовательность, нередко сочетаемую с эмоциональными всплесками. У него было даже шутовское прозвище в юнкерской сфере: «желтая опасность» - за его строгость и желтую подкладку, отбрасываемую от быстрых движений. Казалось, что «скорость» сжигает в нем многое. Он быстро писал и отсюда понять написанное им становилось весьма сложно, - разбирал безошибочно, пожалуй, только один штабной ротмистр; он мчался на своем иноходце с такой быстротой, что угнаться за ним представлялось почти немислимым; говорил густым эмоциональным баритоном, порою ускоряя его темп до максимума... Но во всей этой скорости с поразительной силой развивалась страсть жизни: как можно больше успеть, понять, усвоить и связать воедино весь противоречивый и сложный конгломерат человеческого бытия. Его понимали и ценили, особенно молодое поколение. Так что, когда он получил отставку «вверх», «низы» с тяжелым чувством сожаления отнеслись к сему событию.

Пройдет много лет, и один из его воспитанников юнкера А. Невзоров из Парижа, в кадетском журнале «Военная

быль» с запоздалой горечью напишет о том тягостном впечатлении, с которым ренненкампфские армейцы встретили отставку своего командира. А пока все сидели за столом и лилась та элегическая беседа, которая возникает нередко при ощущении осеннего прощания перед наступлением неумолимо-грозных событий. Все говорили о безвозвратно-далеком и милом, но никого не покидала настойчивая мысль, что будет дальше и что делать. Вспомнили Петербург, Павел Карлович свою последнюю встречу, случайную, с великим князем Сергеем Михайловичем, признанным авторитетом артиллерийской науки. ...Стоял уже декабрь, Сергей Михайлович чувствовал себя безнадежно одиноким и удрученным. Только что проводил он в Кисловодск Матильду Кшесинскую, с которой его связывало более двух десятилетий, глубокое чувство. Накануне ее отъезда он сделал ей предложение стать его женой. Но оно не было принято. Она уехала к отцу своего внебрачного сына, - великому князю Андрею Владимировичу. А он, Сергей Михайлович, ее верный страж и защитник, остался в Петрограде и вел бесконечные хлопоты об имущественных делах, о занятом большевиками их особняке. В длинном штатском пальто с невыразимой грустью в глазах он выглядел добровольным заложником за всех Романовых.

- Нет, уехать из Петербурга не могу. Своим отъездом я наврежу арестованному государю Николаю Александровичу, - говорил князь с обреченной убежденностью.

Ему почти ничего не было известно, кроме противоречивых слухов, которые беспорядочнее один другого блуждали по столице. «Как будто арестовали Михаила Романова», «как будто больна Мария Федоровна»... - и в этом его «как будто» чувствовалась страшная покинутость всеми и изолированность от всего окружающего мира. Когда Павел Карлович перевел разговор на «дело Сухомлинова», которыми следственные органы повязывали в те драматические

дни Февраля и его, Ренненкампфа, и Матильду Кшесинскую, и фрейлину Васильчикову, и еще целую группу влиятельных лиц в армии и при дворе, обвиняя в контрабандных поставках и продаже оружия, он с горечью произнес:

- Ах, господи! Да какое отношение ко всему этому имела Маличка! 22 года мы вместе и все это время ее материальные дела вел только я. Никогда она даже не вникала в их содержание. Какая гнусная дерзость и оскорбление! Матильда Феликсовна идет к Керенскому, чтобы найти в нем защиту, а он ей - «расписку о невыезде»: «Вы нужны в качестве свидетеля!». Какой свидетель и что она может знать?! Ну, слава богу, теперь Маличка вне опасности, и я спокоен за ее судьбу и Вовочки.

- Но прозвище «самодержавный каприз» весьма подходило Матильде Феликсовне, - заканчивает, как будто обрывает, свое драматическое эссе Павел Карлович. - Уж очень была избалована вниманием. И талант - к тому же.

- Так и остался князь в Петрограде? - немало удивившись, уточнил Павел Федорович.

- Не могу сказать, что сейчас с ним: говорили в последние дни перед нашим отъездом будто его сослали в Вятку, а Михаила Романова куда-то на Урал. Но проверить достоверность этих фактов трудно.

- Ну, слава богу, у нас пока никого не сослали, - вздохнул Иорданов.

- Пока не сослали, но противостояние обостряется. И вот-вот перебросится в город, если не поможет чудо, - заключил Николай Дмитриевич.

- Чудеса, господа, все опустились на дно Ильмень-озера, похоронившего град Китеж. А нам остались одни небеса, куда мы скоро взлетим к господу богу, - подал голос молчавший до сих пор штабс-капитан.

- Ну, зачем же так мрачно! Еще не все потеряно. Борьба, как видно, только начинается. Вон Корнилов подни-

мает войска. Дайте срок, размахнется еще русская сила. - Павел Федорович вдруг почувствовал, как, проговорив этот лаконичный патетический монолог, он вселил в себя внезапную уверенность и силу. И было досадно и неприятно, зачем этот еще молодой человек так самоуверен и безнадёжно подавлен.

- А что, есть ли иной путь, кроме железной дороги на Ростов? Нельзя ли его использовать? - спросил вдруг Павел Карлович.

- Путь-то есть. Но что делается на всех без разбору дорогах! Один разбой. Мне недавно рассказывали. Ехал чиновник на двуколке из города, доехал до Синявской, а тут метель закрутила. Воет и воет, всех бесов собрала. Остановился на постой в крайней избе. А утром проснулся с жутким звоном в голове, ни коней, ни вещей, ни хозяев. И сам, как чумной: не знает, откуда пришел и куда идти, - Павел Федорович развел руками.

- Ну, это местные жулики. А вот на дорогах - сплошная партизанщина: не знаешь из-за какого куста на тебя нападут и обстреляют. Да и мороз вон до 30 градусов выжимает. Никак не спадает.. Нет, нет. Кругом бои. Непонятно, где загремит через несколько часов. ...Одному не пробиться... Но что же с поездами? Должны же они пойти? - Николай Дмитриевич задумался и после некоторой паузы уже увереннее проговорил:

- Вот если бы как-нибудь в обход на санях с надежным человеком... Есть у меня такой. Завтра же встречу с ним и переговорю.

...Вечером Павел Карлович переселился в особняк Деминых, а на другой день утром Николай Федорович встретился с «надежным человеком», и они договорились в скором времени переправить штабс-капитана и разузнать обстоятельно, что происходит в Ростове, как Корнилов, можно ли ждать его в Таганроге... Но на следующий день

случилась заминка: захромал жеребец и нужно было его перековать. Прошел еще день в томительном ожидании. «Надежный человек» не появлялся. Вскоре выяснилось: занемог «простудой». Но вечером вдруг явился и потребовал плату большую прежней, сказав, что завтра в полдень непременно тронемся.

Наступило крещенское утро. Тихое и морозное. Люди шли к заутренней, поклониться храму и Христу. Выходили из храма с зажженными свечами, закрывая ладонями трепетное пламя от легкого дыхания ветра. Ничто не предвещало резких неожиданных перемен. Внезапно раздались одиночные выстрелы и мгновенно стихли. Но очень скоро возобновились, переходя в частую беспорядочную перестрелку. Все ближе и ближе слышались их трассирующие разряды. И сейчас же гулко и тревожно ударил на Успенском соборе колокол-бас. Все собравшиеся за столом Аракиных взволнованно вышли к воротам дома, из которых отчетливо была видна сквозь обнаженные сучья заснеженных деревьев прямая как стрела Греческая улица. По булыжной мостовой, выбивая вихри снеговой пыли, сумасшедшие неслись пролетки, роскошные рессорные коляски, легкие подпрыгивающие линейки, одинокие рысаки, встревоженные выстрелами и потерявшие своих седоков... Вслед за ними, крича и падая от неистового бега, мчались люди. Один из них, пеший казак с серебряной серьгой, задержавшись на миг против их ворот, испуганно закричал:

- Там юнкера с рабочими стреляют! Что делается!

Казалось невероятным: всего каких-нибудь 2 часа назад стояла обычная тишина. И вдруг все взорвалось, взметнулось огненным столбом, заплесало в буйной дьявольской пляске, загрохотало остервенело и яростно. Люди бежали, кони бешено неслись, а колокол под грохот стрельбы все гудел и ухал, будто падала буйная голова с окровавленной плахи. Какой-то мальчик в расстегнутой купеческой подде-

ке, переводя дыхание с хрипа на прерывистый всхлип, шел бессознательно, опустив вздрагивающие руки.

- Там Петруху убили... Совсем... убили, - утирая рукавом мокрое лицо, проговорил он.

Малого остановили и ввели во двор, напоив его стаканом воды. Кое-как придя в себя, он рассказал о том, что юнкер выстрелил в рабочего, охранявшего цейхгауз школы. По какой причине, малому неизвестно. Вскоре поднялись вооруженные рабочие, а против них, на защиту «своего» встали юнкера. И пошла пальба. Есть уже и убитые. Потом от других очевидцев, что с юнкерами, засевшими в здании центра города, стали вести переговоры, склоняя их уйти беспрепятственно. Они выйдут из прикрытия, но им вслед будут раздаваться предательские выстрелы.

...А события разворачивались с невероятной стремительностью. Красные набирали силу, белые теряли ее. Краткие сводки, посылаемые атаману войска Донского Каледину с боевых позиций близ Таганрога, да и по всему донскому округу, были угрожающими. Еще 10 января полковник Кутепов передал военную записку походному атаману предупредительного характера, в ней он сообщал: «Между станцией Иловайская и Таганрогом нет ни одной казачьей части. Головной отряд большевиков находится на ст. Квашино. Состав и численность их неизвестны. Штаб большевиков перешел в Иловайск. В 2 часа ночи, в 29-ти верстах от Таганрога в сторону Марцево перерезаны телефонные и телеграфные провода. Если сегодня вечером Матвеево-Курган не будет занят 16-м Донским казачьим полком, я снимаю ответственность за г. Таганрог». Потом посыпятся телеграммы одна драматичнее другой. 14 января полковник Назаров передаст: «Большевики заняли Матвеево-Курган, идет артиллерийский бой. Войсковой атаман рассчитывает, что 58 полк выделит из своего состава дивизион с пулеметами и срочно двинется на Таганрог». А к вечеру 14 января пол-

ковник Сидорин, который немногим позже возглавит Добровольческую армию, сделает заявление: «Большевики и красногвардейцы, осведомленные о возникших беспорядках в ст. Каменская, перешли в наступление из Макеевского района в направлении на Таганрог и заняли уже ст. Матвеево-Курган, где идет с большевиками и красногвардейцами бой. Есть убитые и раненые. Начальник отряда полковник Краснов тяжело ранен. Станции Серебряково и Михайловка заняты большевиками из Царицына, винный склад на Серебряково расхищается красногвардейцами совместно с казаками 20-го Донского полка, атаковавшими и прогнавшими вчера охраняющий этот склад отряд есаула Попова. Вообще надо признать, что благодаря пассивному отношению некоторых казачьих частей и неисполнению отданных им приказаний, в область глубоко вторглись пришлые большевики и красногвардейцы и начали распоряжаться на народной Донской земле и проливать Донскую кровь». В полдень 15 января он же сообщит: «...под Таганрогом бои со вторгшимися в область большевиками и красногвардейцами продолжаются. Противник ведет артиллерийский огонь из орудий тяжелого калибра». Следующий день перемен в пользу белых тоже не принес. Начальник Таганрогского гарнизона Мاستыко походному атаману шлет срочную телеграмму: «...низший железнодорожный персонал в Таганроге забастовал. Создалась крайняя необходимость получить немедленно 5 паровозов и с ними надежную паровозную прислугу, - без этого невозможно развитие боевых действий». И 17 января, как итог, вытекающий из всей трагической ситуации: «Во 2-ом казачьем полку выбран командиром хорунжий Костыкин, помощником Рудаков. Полк разложился. Военно-революционный комитет сумел получить из казначейства 50 тысяч, 28-й полк раздвоился. Три сотни за большевизм, три против. 2-й полк выступить отказался» (№ 136. Комполка Дукмасов). И окончательное заклю-

чение, как начало конца белого движения: «Новочеркасск. Походному атаману. Под влиянием рабочих полк постановил покинуть Таганрог. Через 2 часа выступает походным порядком. Командующий 23 полка Желтухин». В городе оставались еще надежными силами юнкера, переведённая юнкерская школа из Киева под руководством полковника Мاستыко, Союз офицеров «Белый крест», организованный еще в октябре 1917 года, иронически именованный Советами «Советами собачьих депутатов», некоторые сочувствующие элементы, взявшиеся за оружие. Со страстным чувством гражданского долга бросились в бой юнкера, заняв наиболее важные объекты города: вокзал, Европейскую гостиницу, Коммерческий клуб, телеграф, городской парк, винный склад, два коммерческих спуска с установленными заставами. В их руках находилось оружие и припасы. И 26 января белогвардейский комитет объявляет город на военном положении. Из невозможного делает возможное атаман Каледин: он подтягивает к Таганрогу несколько казачьих частей и офицерский полк, предлагая сложить оружие восставшим рабочим, а в ответ они захватывают склады заамурского полка, разоружают юнкерские части и вступают в бой с калединскими частями. Каледин устанавливает для казаков, участвующих в боях и походах против большевиков, суточные деньги по 1 рублю, а за дни участия в боях по целых три. Но и это не активизировало казачество. Не было отклика и на стремление создать партизанские отряды бывшим губернатором Ростова генералом Потоцким. «В 13-м полку партизанская сотня не формируется, ввиду отсутствия желающих» - телеграфировал он Каледину. Активизация шла в ином направлении. 28 января забастовали заводы Таганрога, забастовка перешла в общегородскую стачку. К ней присоединились и криминальные элементы, усиливающие в городе атмосферу анархического мятежа. В итоге началось восстание, угрожающее по масштабам и ужа-

сающее по своей сути. Сводная боевая дружина из рабочих, красногвардейцев, среди которых было немало латышей, захватила почту, телеграф и вышла к винному складу. Склад подожгли, воспользовавшись «услугами» 10-летнего подростка и доверчивостью юнкеров. Взметнувшееся пламя мгновенно выбросило их, бегущих, стреляющих, и падающих замертво. Пробраться к основному штабу, гостинице «Европейская», они уж не могли. Да и главный штаб охвачен огнем и дымом. Полковник Мастыко делает последнюю попытку вывести юнкеров за город. Но на перекрестке двух улиц Александровской и Ярмарочной, встретив отряд латышского стрелка Берзина, погибает.

У железнодорожного вокзала события разворачивались с меньшей активностью. Еще одна боевая дружина с азартом победного шествия разогнала паровоз с двумя вагонами, - и на полувековые стены вокзала! Дым, грохот, ослепительные искры огня! Стены, как и не бывало! Юнкера бегут. Крики, вопли, преследующие выстрелы... Город в огне и удушающей гари. Последний оплот юнкеров покидает здание Коммерческого клуба. Каждый из них понимал, что помощи уже не будет. Три сотни казаков приказу Каледина не подчинились, другие отряды белых заняли Матвеево-Курган, но, узнав о масштабах восстания в городе, отступили. По всем фронтам войска Донского прошла черная полоса беды. 29 января Каледин собирает правительство, зачитывает телеграммы, посланные с боевых позиций, и сообщает, что для защиты Дона нашлось только 147 штыков. Вслед за этим он предлагает правительству уйти в отставку, обосновав свое заявление рядом катастрофических причин: «Положение наше безнадежно. Население не только нас не поддерживает, но настроено к нам враждебно. Сил у нас нет, и сопротивление бесполезно. Я не хочу лишних жертв, лишнего кровопролития, предлагаю сложить свои полномочия и передать власть в другие руки. Свои полно-

мочия войскового атамана я с себя слагаю. - И помолчав, добавил: «Господа, говорите короче. Время не ждет. Ведь от болтовни Россия погибла». Он вышел и вскоре прозвучавший вострел прервал нить его трагической жизни.

Надежды на активизацию прежних патриотических сил после этого тяжкого события не оправдались. Выстрел Каледина лишь на короткое время отрезвил горячие головы в казачьей среде. Добровольческая армия Корнилова, последняя надежда уходящей России, по-прежнему не находила в массах широкой поддержки. Окончательно поняв, что когда-то святой девиз для казаков «за веру и отечество» разбился о безудержную стихию, Корнилов принимает решение покинуть Дон и походным маршем по заснеженной земле пробиваться к Екатеринодару. Его тернистый путь лежал через враждебные и настороженные станицы и хутора, - Аксайскую, Ольгинскую... Расстояние, отделяющее его от Таганрога, все более увеличивалось.

Наблюдавший непосредственно трагические события в Таганроге Павел Карлович со всей отчетливостью понял: в городе ему далее оставаться опасно, нужно уходить, выбрав удобный момент. Но где он, этот момент? Где тот путь, который поможет ему пробиться к Корнилову? К нему и только к нему нужно спешить. Корнилов - это еще какая-то теплившаяся надежда на победу. Там сейчас у него весь бывший генеральный штаб. Там Алексеев, принявший 1-ю армию, которая стала частью вновь созданного Западного фронта после его, Павла Карловича, отставки. Конечно, где теперь воины 1-й армии? Рассеялись, расплылись по всей взвихренной огненной метелью несчастной российской земле. И все-таки там, по ту сторону, скрытой от него туманной пеленой, - люди, с которыми его когда-то связывало многое. Сама идея белого движения - это была и его идея. И перед ней отступают все прежние личные обиды. Пройдет еще немного времени и Павел Карлович узнает о

самоубийстве генерала Каледина, о том, как был захвачен в плен и порублен Подтелковым, человеком психически неуравновешенным, партизанский отряд полковника Чернецова, узнает и как был арестован и убит при сопровождении в Петроград красноармейцем бывший начальник штаба Янушкевич... Все это еще более активизирует его решимость: во что бы то ни стало пробиться к Корнилову. Вдвоем с штабс-капитаном они, непременно, уйдут, только бы не передумал «надежный человек» Аракина. А если и передумает, то нужно искать другие пути, - не может быть, чтоб их не существовало. Безвыходных положений не бывает. Кому это знать, как ни ему, боевому генералу, хорошо знающему цену риску, всегда просчитывающему каждый шаг, каждый рывок продвижения вперед. Да, да, конечно, все это так. Ну а если просчет? Если срыв, ошибка, тогда что?.. Тогда гибель, уход в небытие. Но ведь он никогда не боялся смерти? Нет, не боялся, но там, в бою, перед лицом врага. А что же здесь, ведь это твои враги? Но враги ли они России? Если нет, тогда, кто же они, - желать в войне поражения своему отечеству, разрушать, подобно древним вандалам, все, что создавалось веками, испытывать жгучую ненависть, вплоть до уничтожения, к человеку иного класса по той причине, что он не похож на тебя по уровню культуры, положению в обществе... Так размышлял Павел Карлович, все взвешивая и передумывая. Мысли его выстраивались в одну стройную шеренгу, но что-то в них обрывалось; необъяснимая и обжигающая тоска пронизывала каждый заданный вопрос и попытку разрешить его.

...Стреляли всю ночь с редкими перерывами, взрывающими настороженную тишину. На следующий день к 12 часам все стихло. Но за городом время от времени все настойчивее и громче раздавались орудийные раскаты. Порою они ощущались совсем близко, так что чувствовалось легкое поддрагивание земли. По городу поползли тревожные слу-

хи, будто «союзники» вошли в переговоры с немцами навести порядок в России, а по улице Николаевской к Успенскому собору прошла какая-то манифестация: сотни неистовых глоток в разнобой кричали: «Вставай, подымайся, рабочий народ!»

Павел Карлович, глядя на них и едва сдерживая себя, цедил сквозь зубы Николаю Дмитриевичу:

- А голоса-то какие... утробно-первобытные... И не лица, а морды, так и прет из них катаржанское. Губители России...

...Николай Дмитриевич, тронув его за руку, направился к тумбе на перекрестке Николаевской и Итальянского и, остановившись, стал с нескрываемым интересом читать. Это были сообщения, воззвания к русскому народу защитить смертельно раненное Отечество, какие-то запоздалые прокламации, наклеенные на «бенефис Яворской», приказы, обращения, предписания... Одно из них обратило внимание. Это была афиша, разоблачающая Ленина и большевиков в связи с немцами. Проезд их в «пломбированном вагоне через Германию» был подчеркнут красной горячей чертой, так что мимо этого горящего факта было невозможно пройти. Николай Дмитриевич почувствовал за своей спиной лёгкое дыхание Павла Карловича и вдруг, возмущившись всем своим существом, простонал:

- Неужели в самом деле? Какое святотатство! Желать своему Отечеству поражения и пойти на сговор с врагом. Такого еще мир не видывал!

- В самом деле? Вы сомневаетесь в сущности этого «дела»? С них все станется. Вы еще не представляете, на что способны эти «товарищи». А теперь, когда армия развалена, - даже и представить трудно, куда девался 300000 офицерский состав! - тем более они не испытывают никаких ограничений. Гуляй, - не хочу! - И вдруг неожиданно, как будто спохватившись и внезапно откликнувшись на возник-

шую мысль, Павел Карлович спросил: «А кто такой Сиверс? Простой раз вы назвали это имя».

- Говорят, какой-то прапорщик, участник войны 1914 года. Теперь командир отряда Южного революционного фронта.

- Беда наша, что часть развалившейся армии стала добычей для большевиков: кто сам добровольно ушел им служить, а немало таких, что мобилизовали... И что особенно горько, - ведь есть и генералы, забывшие гражданский долг и честь; идут «укреплять» революционные идеи. Перед отъездом из Петербурга мне сказывали о генерале Бонч-Бруевиче. Вслед за своим братом ушел «в стан погибающих за великое дело» народовластья.

- Вот вы, дорогой Павел Карлович, тоже стали цитировать их любимого поэта Некрасова. А между тем от него пошло хождение «в стан погибающих», чтобы принести себя безрассудной жертве... Так что свою жизнь-полушку да буйную-головушку положить за идею ничего не стоит.

- Ну, конечно, как же не положить! Ведь все ради светлого будущего! А когда оно наступит, - неважно. Как болотные огни или мираж в раскаленной пустыне, - сколько не идешь, - все равно не дойдешь и руками не потрогаешь. Сплошной обман зрения. Но все таки занятно: впереди что-то светит и есть нечто самоценное, на что можно идти. А в итоге это называется - самоубийство . . . нации.

Подошел штабс-капитан и тихим сдерживаемым голосом заметил:

- Там, на углу, через одну улицу, идет жуткий мордобой. Пьяная ватага, по виду уголовников, сводит какие-то счёты с приказчиками. Совсем озверели. Вмешался полицейстер. Так куда там! И его свалили.

Они поспешили к месту происшествия. В переулке Полтавском им открылась чудовищная картина: с десяток разъяренных людей, наскakивали друг на друга, валили на зем-

ло, зверски избивая и уродуя себе подобных. Снег у их подножья был розов от крови и прогрелся, обнажая бульжник. В неистовой скорости беспорядочных движений трудно было понять, кто есть кто: изодранная одежда извивалась пляшущими лохмотьями, лиц не разобрать, из хрипящих глоток надсадно вырывались нечленораздельные звуки. Вокруг собралась огромная толпа, наблюдая с холодным любопытством, кто-кого. Изредка из нее раздавались азартные выкрики: «Поддай еще! Ату его!» Кому «поддавать» и «что» было непонятно. Но вся эта жуткая «вандея» пьянила и забавляла толпу, разжигая нездоровые инстинкты. Появились городовые - их теперь называли новым непонятным словом «милиция», - бегая вокруг, крича и растаскивая бузотеров. Один из них, полицеймейстер Жужнев, случайно оказавшийся на месте события и получивший за свое рвание кровавый подтек, особенно неистовал: «Кого бьешь! - кричал он вне себя. - Меня?! Власть?! Да я вас...» Наконец удалось растащить дерущихся по разным сторонам. Ими оказались 5 уголовников, третьего дня выпущенных на волю, и трое приказчиков. Последние - «массальские» ребята, крепкие и рослые, сжимали в ярости здоровенные кулаки, - они походили на свернутую жесткую пружину, под действием внешней силы готовую в любую минуту развернуться с бешеной мощью. Напротив них, сдерживаемая городовыми, с заломленными за спину руками, рвалась в бой расхлябанная шпана, извиваясь и визжа похабно-пьяными словами.

- Представление окончено, господа, расходитесь! - с горькой иронией, кривясь от боли, объявил полицеймейстер.

...Спустились ниже по переулку. Навстречу попались трое малых с жадно прищуренными глазами и неприятной ухмылкой на лицах. Кто-то из них бросил вслед: «Чистая публика! Сволочи...» На Большой Петровской у сада Сарматовой тоже стояла небольшая толпа. Внутри нее шла

азартная перебранка. Толстая баба с пьяно-красным лицом нападала на высокую даму в лисьем салопе и тихим сдержанным голосом:

- У вас своя власть, а у нас - своя! Вот наkostenяем вашему Каледину, тогда и посмотрим, чья власть лучше.

Дама пыталась возражать:

- Ну почему же «мой» Каледин. Его выбирал атаманом весь Донской войсковой Круг, а может быть и ваши близкие.

- Тю, на тебя! Это ж иде ты видела таких моих «близких». У нас все трудящиеся, а не господа!

- Глупая вы женщина, - безнадежно махнув рукой в муфте сказала дама и отошла в сторону.

Но баба не унималась и побежденной признать себя не хотела:

- Это откуда ж ты такая вумная! Из кружевной мягкой спаленки да золоченного бадюара? А в цехе горячем не хочешь поработать лопатой? Ха-ха! Сразу поумнела бы, ваше благородие. - Последние слова баба прокричала с нагло-глумливой издевкой.

В самом центре толпы высокий молодой подьесаул извинительно объяснял:

- Нет, господа, так нельзя. Нужно все взвесить, а потом уж отстаивать идею.

- Господа нынче все в бегах, - бросает ему в ответ, зло усмехаясь, по виду мастеровой.

Поодаль прислонился к тумбе высокий парень в обвислом бушлате с цигаркой в зубах, на все он смотрит пренебрежительно свысока.

- Вот придут наши, они вам покажут «кузькину мать», - потешается какой-то субчик в расхристанном тулупе.

«Высокий парень» решает, что наступил самый момент вступить в действие. Сплюнув цигарку, он презрительно бросает:

- Пока они придут, мы их всех прикончим, вот на этой самой богатейской улице. - И вальяжно уходит вдоль по Петровской.

Из глубины заснеженного сада Сарматовой раздаются пьяные ухарские голоса. Они все ближе, и вдруг на предельной скорости из снегового тумана вырывается взмыленная пара великолепных серых рысаков с великолепной рессорной коляской, переполненной орущими голосами. Сквозь пушистую изморозь чей-то пьяный бабий голос надрывно выводит:

Ах, зачем эта ночь так была хороша!

Не болела бы грудь, не стонала б душа...

- Как скоро криминируется обстановка. Теперь, видно, и здесь тот же Петроград, - проговорил сдержанно Павел Карлович.

Все было ясно. Обстановка складывалась не в пользу таких, как они. Нужно было что-то решать. И чем скорее, тем вернее. Это со всей отчетливостью понимал каждый. Но никто не представлял, как можно надежнее обойти созданный тупик. Сведения, поступающие от информационных сводок, страдали немалой противоречивостью. Известия, исходящие от случайных лиц, отличались еще большей ненадежностью. Создавалась непроницаемая туманная пелена, на которой вспыхивали попеременно в разных местах светящиеся точки и тут же гасли, перемещаясь с невероятной скоростью по всей обширной округности. Перспектива пробиться сквозь эту переменчивую завесу была почти немислимой. И все-таки необходимость испытать судьбу возникла как возможность спасения.

Они уже подходили к Депальдовскому переулку, увлеченные разговором, как вдруг вся Петровская пришла в неожиданное движение. Навстречу им бежали люди с вытянутыми лицами, бежали, на ходу роняя неразборчивые слова, то смеясь, то любопытствуя, а то и просто увлекаемые взбу-

дораженной стихией. Павел Карлович и его спутники обернулись, вглядываясь в искривляющуюся морозную даль. На другом конце улицы, набирая скорость, мчалась конница. Впереди на тачанке яростный ветер бешено трепал кроваво-огненное полотнище. И Павел Карлович отчетливо услышал чей-то неистовый крик: «А власть теперь наша!»

...Дни потекли похожими один на другой: тревожные, раскаленные, наполненные неизвестностью и ожиданием трагического конца. На промерзшие морозным инеем городские тумбы стали ложиться новые приказы, постановления, воззвания. Одно из постановлений гласило лаконично и грозно: «Волна народного движения смывает все старые учреждения и в процессе революционного творчества создает на их месте новые народные учреждения, вновь переизбранный Совет после изгнания из города юнкерства принял на себя руководство всей жизнью города. Все городские предприятия должны подчиняться муниципальному отделу. Исполнительный комитет Советов рабочих депутатов г. Таганрога». Да, власть в городе переменялась и за каждым из таких постановлений таилась жизнь для одних, гибель для других. Новое стремилось смести с лица земли все прежнее, ненужное и ненавидимое. Начиналось оно, прежде всего, с упразднения и замены той исконной силы, которая должна поддерживать и направлять порядок в городе. В Постановлении об этой силе оповещалось: «Вместо повязки на руке таганрогская милиция впредь обязана носить кокарду с надписью №Т.Г.М. (№ милиционера, Таганрогская Городская Милиция). По улицам теперь разъезжали частые автомобили, на которых с уверенностью и самодовольством восседали новые власти. Мчавшиеся на предельной скорости и подавая частые сигналы, - то ли для самоутверждения, то ли для устрашения, - они заставляли невольно вздрагивать непривычных к такому оглушающему ритму доверчивых коней, - этих исконных жителей полей

и лугов, - вселяли настороженное любопытство и холодный страх у встревоженных жителей города. Однажды Павел Карлович шел по Петровской. Был уже вечер и газовые фонари тускло освещали заснеженный город. И вдруг как будто из-под земли его обогнал, отдавая гарью и дымом, черный автомобиль и кто-то идущий рядом сквозь стиснутые зубы тихо проговорил: «Радионов Иван... Шпана. Грабитель... Подумать только, теперь комиссар города. Ну и сукин сын».

Со времени установления новой власти Павел Карлович понял, что он опоздал. Теперь все пространство между Ростовом и Таганрогом контролировал Сиверс. И было неизвестно: ушел ли из Ростова Корнилов и где он теперь, какую тернистую дорогу бороздит, застигнутая в пути метелью, его армия. Выход оставался один: уйти «в подполье» переименовав свое имя и облик. Уже с самого Петербурга он жил под чужой фамилией. Но тогда была русская фамилия, и он по социальному положению принадлежал к классу мещан среднего достатка. Теперь с помощью Аракина и Иорданова у него появилась другая фамилия и национальность: грек Мансудаки. Так казалось убедительнее: ведь он переселился на новое место жительства в небольшой домишко в 3 окна у самого морского обрыва по Коммерческому переулку; и хозяин его грек Лангусен выдавал Павла Карловича за своего старого земляка, помогающего ему по хозяйству, а придет весна, - будет благоустраивать небольшой, но роскошный сад. Новое жилище очень понравилось Павлу Карловичу. К нему можно было подойти незаметно со стороны моря, по крутому спуску, куда выходило скрытой стороною от досужего взгляда подворье хозяина; правда, выдавать любопытным соседям метельный февраль, - какие уж тут сады! Но «тайно» он объяснял, что работник - весьма ценный: придет весна и покажет он свое изумительное

ремесло. А пока до этого дойдет, - Павел Карлович будет уже далеко. Узнать его теперь было довольно трудно. Роскошных усов он лишился еще перед отъездом из Петербурга. Но нынче добавилась еще одна деталь его оригинального портрета: появилась короткая бородка в стиле «а ля буланже». Нет, просто на работника он не походил, скорее - на странствующего в поисках смысла жизни русского интеллигента, застигнутого революцией. Однако говорить с соседями Павлу Карловичу почти не приходилось, - так, всего лишь переброситься несколькими незначительными словами да и только. Хорошо еще что и соседи слыли людьми не очень сведущими в определении «характеров» и самой сути личности; эту деталь Павел Карлович отметил как еще один «плюс» в пользу своей конспирации. И все-таки одна особенность не давала ему покоя: в городе, несомненно, знали, кто супруг Веры Николаевны. С ее приездом в город вопрос о нем вставал сам по себе. А может быть его уже видели в городе, опознали и теперь ждут удобного момента, чтобы реабилитировать себя в глазах новой власти? На всякий случай сочинили версию: уехал давно, куда - неизвестно, сами разыскиваем, так как следы затерялись, - на том нужно и стоять. Встречались они вечерами, под покровом зимней ночи, когда улицы совсем пустели и можно было почти незаметно проникнуть в дом Лангусена через скрытую часть небольшого подворья со стороны скованного ледяным покровом моря. С тех пор как Павел Карлович узнал о решении Корнилова уйти на Кубань, он бросил жребий пробираться вместе с штабс-капитаном к Екатерिनодару, куда в скором времени Корнилов непременно должен подойти. Был разработан и рискованный план прорыва, казавшийся, если не абсолютно неуязвимым, то во всяком случае с минимальным просчетом. Кроме того, их оказалось уже не двое: присоединились несколько юнкеров, которым не удалось уйти во время боев на улицах города и

теперь, затаясь и с надеждой, они жили по домам родных и знакомых. Решено было по двое пробиваться к железной дороге на Успенскую и в разных вагонах ехать до Ростова, минуя «транзитом» покинутый Таганрог, - на таганрогском перроне шла тщательная проверка пассажиров. А там - Екатеринодар, дай бог, примет их, и они дождутся Корнилова. Если нет, - узнав поточнее его маршрут, двигаться навстречу. Павел Карлович ждал решающих сведений от белого контрразведчика Николая Сигиды, который по протекции своего однокашника Е. Болотина, комиссара финансов СНК Донской республики, стал членом коллегии при таганрогском военкомате. Самого Сегиду Павел Карлович не встречал, но от одного из офицеров слышал, что он - бывший гвардейский подпоручик, ставший агентом контрразведки Добровольческой армии, и оставлен в красном Таганроге на видном посту для «организации отпора» корниловским войскам, многое может и многое позволяет вплоть до спешной подачи поездов для гуляющих комиссаров; на полной скорости они развозили пьяные сборища в Ростов и другие города красного Дона. Павел Карлович ждал. В ближайшее время офицер из союза «Белый крест» должен был сообщить о тайном «коридоре», по которому можно будет с минимальным риском выйти из города. Название союза «Белый крест» вызывало у Павла Карловича невольную аналогию с недавним временем.

...Вильно. Офицерское собрание. Последний новогодний бал в год начала войны. Вера Николаевна возглавляла благотворительное общество «Голубой крест», который взял на себя все расходы по организации бала. Романтические юнкера, блестящие офицеры, роскошные женщины, звуки музыки, мраморные лестницы, загадочный полумрак и световые взрывы фейерверков... И Верочка с голубым эмалевым крестом на груди, тонкая, изящная, с чарующей улыбкой на устах. Из полуосвещенной залы кто-то крик-

нул: «За здоровье и процветание очаровательной хозяйки бала!» - и полковник Адамович преподнес ей в знак признательности белые розы из оранжереи. И грянул марш под аплодисменты и дружные крики «Ура»... Белый крест, голубой крест... Кресты, кресты, они как будто метят Россию в ее апокалиптическом сне и его, Павла Карловича, вырванного с некоторых пор из привычной и устоявшейся почвы. Вздыбленная и искаженная жестокой бороздой, она отчужденно и печально лежала под ним, в то время как он неприкаянно и бесприютно парил над ней. Порою ему казалось, что все, что происходит вокруг, всего лишь кошмарный сон, а он - его причудившаяся греза. Но из-за порога донесся легкий шелест знакомых шагов и «греза» исчезла: перед Павлом Карловичем обнажились, как реальность, низкий потолок комнаты, окно, закрытое белой полотняной занавеской, струганный потемневший стол и потрескивающее пламя одинокой свечи. Дверь отворилась и вошла Вера Николаевна в коротком полушубке и платке, повязанном по-крестьянски. В руках у нее была небольшая плетенная корзинка, из которой она стала извлекать и ставить на стол совсем еще теплую еду. Он обнял ее и глядя испытывающе в глаза, проговорил:

- Не беспокойся. Я не голоден. С хозяином обо всем договорился. А ты-то так? Что девочки? Есть ли еще деньги? Если нет, - сдай в ломбард что-нибудь из ценностей. - И, не дав ей сказать, добавил: «Тревожно мне за вас».

- Нет, нет! - тут же нашлась Вера Николаевна. - У нас все в порядке, я все сделаю и все смогу. Ты только скажи, что нужно. Павел Карлович понял ее намек и отвел разговор с сторону.

- Это, Верочка, мужское дело. Сделают другие, а твоя забота - девочки. Пусть будут осторожны. На улицах неспокойно. И вечерами лучше бы не выходили из дома: посмотри за ними.

Вера Николаевна настояла, чтобы Павел Карлович непременно съел принесенное ею. Он ел и улыбался, а она спрашивала как раньше:

- Вкусно?

- Вкуснее не бывает, - отвечал он. - Ты не можешь готовить иначе. Мой дивизионный повар не дотянется до тебя, - как до этого неба. Он показал на низкий потолок дома, и Вера Николаевна невольно засмеялась.

- Немного нужно твоему личному повару, чтобы дотянуться до меня, - сказав это, она вдруг смолкла, вглядываясь в осунувшееся лицо мужа и его потускневшие, подернутые несказанной усталостью глаза; помолчав, озабоченно спросила: «Тебе плохо? Я вот кое-что принесла из нашей походной аптечки».

- Пустяки, - ответил он. - Пройдет. Просто устал от бездействия.

Вошел хозяин, седой и тучный. Стал рассказывать о том, что делается в городе, об арестах и расстрелах, о грабежах и морадерах, о какой-то анархистке Марусе, которая навела на склад с оружием, но рядом оказался винный склад и набрались все: и наводчица и охранители порядка. Рассказал он и об аресте бывшего полицмейстера Жужнева, которого выдала «криминальная шпана», а новые власти так ухватились, что грозятся расстрелять. И за что? За то, что был полицмейстером да зажимал «вольный люд», не давал разбежаться «криминалу»?

- Господи, - взмолился он, - кругом аресты, расстрелы, угрозы да грабежи... Куда податься простому человеку!

Хозяин высказался, как будто облегчил переполненную до краев тяжелую душу. Он вышел, и Вера Николаевна решила наконец:

- Николая Дмитриевича вызывали в ЧК. Спрашивали о тебе. На его ответ «был да уехал» сказали: «Не скроешь, - дознаемся». Приходили домой к Иордановым. Один из че-

кистов, грозя оружием, закричал: «Пуля по тебе плачет» - Она не сдержалась, заплакала горько и безутешно.

- Что же делать?... Что делать... - который раз повторяла Вера Николаевна, и ее плечи подергивала частая дрожь.

Павел Карлович успокаивал ее, как мог.

- Ну, что же им еще говорить! Ведь они теперь власть, живущая по принципу: «Разделяй и властвуй». Но, подумай, сказать - это еще не сделать. Пусть сначала найдут, а потом посмотрим как и что.

Нет, не знал тогда Павел Карлович, не знал, что черная беда проворной рысью бежала по его огненному следу. Уже на третий день после отъезда в его петроградскую квартиру пришли и долго, угрожая и убеждая, допрашивали верного Филиппыча и Глашу. На все вопросы те отвечали неизменное: «Не сказывал», «Не ведаем». С тем и ушли, да видно не успокоились на этом: след искали и в огненной стихии, не веря, что он сгорел, и страстно желая лютого мщения.

Вера Николаевна засобиралась, и они вышли во двор. Ночь стояла на редкость светлая; небесный свод, рассыпанный частыми звездами, опустился так низко, что, казалось, еще один шаг и его можно, обжигаясь от света, потрогать руками.

- Какая красота! - проговорил Павел Карлович, окинув взглядом далеко освещенное пространство. Но внизу расстилалось не море, бьющее чарующей музыкой волн, а безмолвная ледяная бескрайность, в которой жизнь умерла до весны. Кругом было тихо. Лишь изредка где-то стреляли. Вера Николаевна, минуя калитку, спустилась к обрыву и, пройдя немного понизу, поднялась к другому углу Коммерческого переулка. На Греческой, совершая «вечерний променада», ее встретили Аракины.

В тот вечер ожидаемый Павлом Карловичем офицер не пришел. Он появился только к вечеру следующего дня в

изрядно поношенной одежде рабочего и сразу сообщил:

- Все готово. Завтра поздним вечером уходим. Зайду за вами... Момент - самый подходящий. Большевиками подписан предательский Брестский мир. Немцам отдают часть России, Украину и Таганрог. Среди социалистов - брожение; может быть, такое предательство отрезвит буйные головы и поуймет прыть. Таганрогские меньшевики и эсеры возмущены и требуют расследования... Какая гнусная подлость! - заключил офицер и его лицо исказилось гневом.

- Так! - сдерживая негодование и в ярости сжимая кулаки, проговорил Павел Карлович. - Невиданно! С тех пор как существует Россия. Невиданно! - зрачки его глаз сузились. В этот момент он был похож на степного орла, застигнутого внезапной бурей и вдруг увидевшего сквозь разрывы сверкающей молнии ненавистного врага.

- Негодяи! Мерзавцы! Это все результат «пломбированных вагонов», идущих через Германию. Сговор! Измена и коварство! ...Так всадить нож в спину больному Отечеству!... - Он еще долго высказывал свое негодование. Потом, придя в себя, уже более спокойно проговорил: «Во что бы то ни стало нужно пробиться к Корнилову».

На следующий день к полудню неожиданно пришла Вера Николаевна. Она была возбуждена и растеряна.

- Исчез штабс-капитан. Еще позавчера вечером вышел и не вернулся. Аракины очень обеспокоены, - она проговорила на едином дыхании, будто за ней гнались, и ей было страшно не успеть высказать взволновавшее всех известие.

Павел Карлович озадачено помолчал. Весть была и впрямь неожиданной. Два дня назад штабс-капитан заходил к нему, и они вели речь о предстоящем в самое ближайшее время «прорыве». Потом, вспоминая Павел Карлович, штабс-капитан как бы между прочим проговорил: если подвернется случай, - ждать не станет и прорываться будет один, - на что Павел Карлович ему ответил, что сие заня-

тие весьма сомнительно и рискованно и полагаться на случай, тем более в их положении, вещь, - весьма иллюзорная. ...Может быть, штабс-капитан все-таки решился и такой случай ему представился? Но вслух сказал совсем иное.

- Ничего, объявится. Никуда он не денется.

Проговорив это и увидев широко раскрытые глаза Веры Николаевны, Павел Карлович сразу понял, что его ответ не только не убеждал ее, но, напротив, еще более расстроил: в нем она почувствовала недоверие к себе и наивное стремление успокоить.

- Нет, нет. Он уже не вернется. Я это чувствую. Произошло, вероятно, самое страшное. - Она не назвала это «страшное», но и так было ясно, что под этим имелось в виду.

- Милая Верочка, - сказал Павел Карлович тихо и решительно, - чему быть, тому не миновать. Будем надеяться на лучшее. Но ты сюда больше не приходи. Завтра меня здесь уже не будет; если все будет хорошо, дам в скором времени знать о себе. Ты только береги себя и девочек. Остальное - во власти судьбы. И будем надеяться: она к нам окажется милостива...

Он легко привлек ее к себе, поцеловал холодные дрожащие губы, и, не отпуская от себя, тихим и взволнованным голосом проговорил:

- Тебе пора. Мужайся. И храни тебя бог.

Она ушла, а он устало опустился на скрипнувший под ним стул и задумался. ...Что все это значит: исчезнуть перед самым прорывом. Какая страшная неизвестность! Когда свершается нечто ужасное, - только не смерть, уносящая с собой все надежды, тревоги, стремленья, - естественна мобилизация сил на поиски выхода. Но что можно понять в «неизвестности»? Разве что попытаться прояснить этот подступивший вдруг непроницаемый туман. Но как? Да еще накануне решающего момента. ...Но вот что странно: штабс-капитан исчез вечером второго дня. В этот вечер

он заходил ко мне и у Аракиных больше не появился. ...И этот его разговор, - ничего определенного, указывающего на одиночный случайный прорыв не предвещало. Странно... весьма все это странно. Чтобы отогнать мрачные мысли, Павел Карлович открыл старинную Библию, которая, как настольная книга, лежала на хозяйском столе, и прочел первое увиденное: «...И приступили ученики Его, чтобы показать Ему здание храма. Иисус же сказал им: видите ли все это? Невинно говорю вам: не останется здесь камня на камне, все будет разрушено. ...Также услышите о войнах и военных слухах. Смотрите, не ужасайтесь; ибо надлежит всему тому быть. Но это еще не конец: Ибо восстанет народ на народ, и царство на царство, и будут глады, моры и землетрясения по местам; Все же это начало болезней. Тогда будут предавать вас на мучения и убивать вас; и вы будете ненавидимы всеми народами за имя Мое. И тогда соблазнятся многие; и друг друга будут предавать, и возненавидят друг друга... И, по причине умножения беззакония во многих охладее любовь; Претерпевший же до конца спасется». «..Уже разрушено, уже войны, уже предательство и ненависть в сердцах», - горько вдохнув, мысленно заключил Павел Карлович и вдруг почувствовал, как что-то внутри него оборвалось и, прочно обосновавшись там, в глубине, не хотело покидать своего удобного места. Неужели измена? А может быть роковой случай, поджидавший штабс-капитана на неверной дороге, и он, бывший генерал, совершает великих грех, возводя на невинную душу чудовищную клевету? Нет, нет, выводы преждевременны... И чем больше размышлял Павел Карлович, тем увереннее он склонялся к выводу, что штабс-капитан стал жертвой какого-то непредвиденного случая. Тогда для него становилось вне сомнения: те, кто мог арестовать штабс-капитана, о существовании его, Ренненкампа, в этом городе не ведают, иначе за эти два дня он бы уже тоже не сидел под крышей

тихого жилища.

На дворе стоял третий день месяца марта. Еще кругом лежали снеговые глыбы, наметенные недавней метелью, но с моря уже повеяло первой весенней свежестью. Короткий день клонился к закату. Павел Карлович открыл дверь и яркие лучи холодного солнца ударили ему в лицо. Над морем у самого края земли узкой кровавой полосой пылал закат. Тишина и неподвижность завораживали. «Вот только рваные облака бегут куда-то на северо-запад, а в остальном все как будто нарисовано на дорогом полотне, - подумал Павел Карлович. - Плывут в тот край, откуда он уехал. Что теперь там? Похоже, что не лучше, чем здесь». Еще минуту он постоял, прислушиваясь к тишине, потом, точно отбросив от себя все мучившие до сих пор сомнения, шагнул за порог дома и пошел вверх по Коммерческому переулку. На углу Николаевской бойкий мальчишка продавал газеты. Павел Карлович сразу узнал в нем того самого «газетчика», у которого он уже покупал «Известия».

- Замиряемся с немцем! Подписан Брестско-Литовский мир! Последние новости! Читайте! Читайте!..., - мальчишка кричал резко, пронзительно, и от его «новостей» у Павла Карловича темнело в глазах. Он дошел уже до здания Коммерческого собрания, где теперь обосновался штаб большевиков, и увидел в открытые ворота стоящий черный автомобиль. Дверцы были настежь и по обе стороны их - двое с ружьями и в серых шинелях. Павел Карлович невольно замедлил шаг. и в тот же момент увидел, как из автомобиля вывели человека в коротком полушубке и без головного убора. Человек смотрел в другую сторону, но что-то во всей его фигуре, в небрежно-нервных движениях Павлу Карловичу показалось до боли знакомым. Еще мгновение и человек скроется за стенами особняка. Но он вдруг повернул голову к проезжей части улицы, и Павел Карлович безошибочно узнал в нем исчезнувшего штабс-капита-

на. Ему даже показалось, что штабс-капитан сделал какой-то одному ему понятный знак, хотя то, что мог мгновенно увидеть он, обернувшись в сторону дороги, исчислялось в 3-4 секунды. Что же произошло? Что? Где и как случилось выпадение звена из единой, казалось, такой неуязвимой и прочной цепи? Где был штабс-капитан все эти два дня? Откуда его привезли? Вопросы вставали и вставали перед Павлом Карловичем, но не на один он не мог дать вразумительного ответа. И он понял, что сейчас, как никогда, ему нужен был человек, надежный, знающий, с железной логикой. К Аракиным идти было опасно, «офицер» до темноты, конечно, не придет. И так он остался с самим собой, и на помощь рассчитывать в ближайшие часы неоткуда. Нужно ждать. Но ждать в бездействии - вещь тоже неблагоприятная. Однако и действовать вслепую не лучше, Павел Карлович решил ждать ночи: если ничего не изменилось, - придет «офицер», и они покинут, дай бог, благополучно, приютивший его дом в три окна и этот взбудораженный роковой городишко.

С глубокой думой и смятением возвращался Павел Карлович к себе домой. По дороге ему встретился тот же мальчишка-«газетчик», мелькали те же притихшие особняки владельцев. Дойдя до дома Аракиных, он бросил мимо-летный печальный взгляд, преодолевая соблазн войти под его крышу. Но прошел, не остановившись, чтобы не дать ни единого козыря тем, кто мог бы за ним идти по следу. У дома все было спокойно, он закрыл калитку и, пройдя по двору, подошел к обрыву, круто спускавшемуся к морю. Ничто не вызывало беспокойства. Снег лежал нетронутой осевшей целиной. Обнаженные кустарники, низкие деревья, прошлогодний сухой бурьян - все просвечивалось как на ладони. Кругом ни звука, ни движенья, как будто жизнь вымерла. Павел Карлович вздохнул, еще раз оглядел пространство, перемежающееся с соседним двором,

и повернул ко входу. Хозяин дома встретил его радостно-озабоченно.

- Куда же Вы делись! Я уж начал беспокоиться; хозяйка жалуется, что обед уж давно остыл, а его все нет. Ну, да слава богу... Сейчас все будет готово, - он беспорядочно суетился и странно было видеть его маленькую тучную фигуру в таком ускоренном и резком движении.

Павел Карлович от обеда отказался; попросил чашечку черного кофе и удалился к себе. Не заставляя ждать, хозяин принес кофе, и Павел Карлович, добавив в него немного черного измельченного перца, - привычка, вынесенная еще из юнкерского училища, - поспешно выпил. Потом положил перед собой чистый лист бумаги, достал из бокового кармана самопишущий карандаш и стал, не прерываясь, писать. Закончив, он вложил написанное в маленький изящный конверт и, тщательно заклеив, сделал надпись: Леонутовой-Ренненкампф Вере Николаевне. Несколько мгновений Павел Карлович сидел безучастно, но придя в себя, позвал хозяина и убедительно попросил передать этот конверт Вере Николаевне в случае его гибели. Растерявшийся, тот взял конверт и положил его за божницу, сказав при этом: «Так надежней. Он все видит. Все знает и не даст в обиду».

Выполнив последний долг, Павел Карлович как будто почувствовал некоторое облегчение. Он прилег на низкую деревянную кровать и неожиданно для себя задремал. Когда открыл глаза, ему показалось, что прошла вечность, но стрелки часов показывали 7 часов вечера, - время едва ли благоприятное для тайного визита офицера. «Офицер... Офицер», - поймал себя на слове Павел Карлович. Он почти ничего о нем не знал: ротмистр из киевского военного гарнизона Павловский, волею случая оставшийся в красном Таганроге. Остальные и вовсе ему были незнакомы, - остатки рассеянного юнкерского училища. Им овладело

вдруг страстное желание: бросить все и бежать, бежать, куда угодно, только бы не сидеть в томительном ожидании неизвестно каких еще «щедрот» от жизни. Но он был солдат и всегда умел волею разума подавить в себе нахлынувшие чувства. Резко поднялся, сделал несколько шагов по комнате, - их оказалось всего четыре. «Не разгонишься, настоящая клетка», - подумал, иронически усмехаясь, про себя. На память пришли звуки далекого вальса: «...На сопках Манчжурии воины спят и русских не слышно слез... Тихо вокруг...».

- Так тихо, что даже жутко, - проговорил он уже вслух.

И как будто бы в ответ на состояние Павла Карловича в дверь раздался легкий осторожный стук. И сейчас же в комнату почти вбежал Павловский.

- Беда! - взволнованно проговорил он. - Штабс-капитан арестован.

- Я знаю, - спокойно сказал Павел Карлович. - Но как это могло случиться?

- Похоже, что случайно. Недалеко от вашего дома. Ночью, второго дня, задержан патрулем по подозрению. Но видно что-то «совдеповцев» в нем заинтересовало. - И помолчав, произнес: «Немедленно нужно уходить, пока нас не перестреляли как куропаток».

Со двора дома донесся какой-то едва ощутимый шум. Павел Карлович вопросительно посмотрел на Павловского.

Не беспокойтесь, - ответил он ему. - Это двое наших людей. - Они пойдут с нами. Медлить опасно. Пора.

Павел Карлович оделся и стал прощаться с хозяевами, напомнив еще раз о переданном письме. Он взял небольшой дорожный саквояж и, достав из кармана перчатки, спешно натянул их. От входной двери их разделяли два небольших шага. Павловский повернулся и протянул руку к двери. В этот момент она с треском распахнулась и несколько вооруженных людей в бушлатах и серых шинелях ворвались

шумно и неистово.

- Предъявите документы! - держа наготове пистолет, командовал резким фальцетом один из них, высокий, с глубоким шрамом на лице.

Павел Карлович, глядя в водянистые глаза неизвестного ему человека, протянул паспорт.

- Мансудаки... - прочитал по слогам «высокий со шрамом». - Греческий поданный. Разберемся, что за поданные.

Документы Павловского, вероятно, менее понравились проверяющим.

- Мещанин третьей гильдии... Да от тебя офицерской рожей так и прет! - пришел в негодование маленький человек, увешенный оружием. Он полоснул режущим взглядом по арестованным и холодно приказал: «А ну, пошли!»

Под покровом ночи их повели вверх по Коммерческому переулку, мимо роскошных особняков, которые еще несколько часов назад миновал Павел Карлович. Встречались редкие прохожие и провожали их любопытными взглядами, кто-то бросил вслед им ненавидяще и злобно: «Допрыгались, голубчики. ЧК шутить не любит!» Их привели на Николаевскую улицу в особняк купца Адзбашева, где теперь расположился один из штабов новой власти. Проходя по длинному переходу, Павел Карлович заметил идущего рядом с ним красноармейца, как-то странно заглядывающего в его лицо. Когда подошли к двери кабинета и навстречу вышел человек в кожаной куртке, красноармеец забежал вперед и, самодовольно улыбаясь, выпалил: «Вот и встретились, ваше высокоблагородие!»

...Начались допросы. Нет, они не походили на обычное традиционное расследование. Расследовать было нечего. Скрывать свое имя и упираться не имело смысла: Павла Карловича опознали, - слишком заметной он был фигурой в солдатской и офицерской среде. Разговор шел «на равных» где один слыл бесправным, на стороне другого - ничем не

ограниченная слепая сила, но «один» был весьма нужен «другому»; тот, «один», обладал глубокими знаниями, тактикой и стратегией, искусством вести бой и выигрывать сражения, у другого ничего этого не было, а только апломб победителя, в цепких руках которого сдавлена жизнь «одного». Павел Карлович сразу узнал в человеке в кожаной куртке того, кто сидел в черном автомобиле и кого так беспощадно заклеил прохожий: «Шпана... Сукин сын».

С минуту они молчали, и Павел Карлович успел рассмотреть своего обвинителя: коренастый, с широкими плечами, светлые глаза с красноватыми прожилками, тонкие растрепанные губы... Чем-то этот портрет напомнил ему из далекого детства сапожника-буяна в родительском имении.

- Ну, так зачем пожаловал в наш город, Ваше благородие? - спросил из-под низкого лба Радионов.

- Не имел честь находиться с вами в родстве! Поэтому, прошу обращаться ко мне на «Вы»- отпарировал Павел Карлович.

- Ох, какие мы гордые! Ну что ж, если вам угодно... - Радионов скривил губы то ли в усмешке, то ли от зубной боли, которая вдруг дала о себе знать. - Так что же за цель вашего приезда?

- Цели - никакой. Быть в стороне от всех сражений, поражений и вообще от войны. Я - в отставке с 15 года.

- А офицеры в вашем доме, они для чего? Для разговоров? И с саквояжиком собрались, - это куда же? К Корнилову под знамена?

- К Корнилову - далеко. Если бы в этом у меня была необходимость, я бы пробился гораздо раньше, когда Корнилов еще был в Ростове.

- Тогда куда же? - Радионов сузил в усмешке глаза, и в этот момент он был похож на степного волка, загнавшего в угол свою добычу.

- Хотел уйти из города. в какое-нибудь тихое место.

- Шли бы в тихое место, а попали бы в буйное: к Корнилову или еще кому-нибудь из своих.

- У меня «своих» нет.

- Ах, да! - с издевкой произнес Радионов, - вы же с своими в крупной ссоре, отставили вас за измену.

- Да как вы смеете! - голос Павла Карловича прозвучал жестко и холодно, подобно металлу. - Я - боевой генерал с 90-х годов прошлого века. Прошел Китайскую, Японскую войну! Одержал победу под Гумбенном...

- А в разгроме 2-й армии кто виноват?

- Ну, знаете! Это недомыслие обвинять меня в поражении самсоновской армии. Не я был Главнокомандующий Юго-Западного фронта и не я давал распоряжения; моя 1-я армия вышла из окружения. Не у нас было убито 10 генералов и 70000 человек взято в плен. Мы спасли все наши знамена: Гергиевские, 110 Камского полка, 119 Коломенского полка, 233 Одоевского полка! Что вы можете знать?! Это вопрос расследования. И не вам говорить о нем! - Павел Карлович чувствовал, как с каждым словом негодование растет в нем с удвоенной силой, еще одно мгновение и оно обрушится страшно и беспощадно на ненавистного ему человека. Но он сделал невероятное усилие над собой и остановился, завершив: «А за измену в отставку не посылают, а стреляют».

- Так-то оно так, - пробарабанил Радионов двумя пальцами по столу. Да ведь вашу армию потрепал Гинденбург.

- А разве ее не трепали у генерала Литвинова, которому передали мою армию? Это война. В ней всегда есть поражения и победы. И побеждает тот, кто лучше подготовлен и оснащен. И кому, конечно, везет больше.

- Вот мы и победили вас.

- Победили? Нас? Россию?

- Вы это бросьте! Россия - это мы! А вы -господа! Буржуи...

- Это почему же я «буржуй»? Что у меня - заводы, фабрики? Да и «буржуи» что, сидят на печи и плюют в потолок, и Россия для них пустой звук? А как же вы собираетесь строить новое общество без генералов - «буржуев»? Кто же у вас будет армией командовать? Ефрейторы?

- Вот вы нам и поможете. За преступления против народа нужно платить сполна.

- Это какие же «преступления», извольте уточнить? И в чем вы представляете мою помощь вам?

- А кто подавлял восстание в Забайкалье? Кто умирал справедливый гнев «боксеров» в Китае? Вы, господин Ренненкампф! Вот теперь, если хотите сохранить свою жизнь, должны искупить свою вину против трудового народа честным и добросовестным служением ему.

- Во-первых, вам я ничего не должен! Во-вторых, вы что, - призываете меня идти против своих же?

- Вот вы и попались, господин генерал, на «своих». Все-таки «свои» у вас есть.

- Вы меня не ловите на слове! - возмутился Павел Карлович. - Речь идет о долге, чести, совести, которым присягает каждый воин. И присягает он государству, которому и служит. Не умирал бы я, умирал кто-нибудь другой. Не нашлось бы других, вы бы разгулялись еще тогда же, в 1905 году...

- Но это же народ! И идти против него - преступление! - стукнув кулаком по столу так, что зазвенели стаканы, Раддионов повысил голос почти до крика.

- А вы на меня не кричите! Я не из пугливых, - спокойно резонировал Павел Карлович - и, сделав значительную паузу, спросил: «Вот вы говорите «народ». А что такое «народ»? Тот, кто беден или стоит у станка и работает на полях? Да знаете ли вы, кто такие Меньшиковы, Демидовы и им подобные? Откуда они пришли? Крестьяне да голь перекатная! И значит, если он достиг своим трудом да умом

«степеней известных», уже и не народ, а некое подобие душегуба-буржуя? Хорошо действует у вас принцип «не высовывайся». Между прочим, третья часть генералитета нынешнего - выходцы из низов. Вероятно, не безызвестный вам генерал Деникин - сын крепостного. А Рябушинские, Третьяковы, Морозовы, Мамонтовы, эти меценаты российской истории? Знаете ли вы, какие великие дела они творят, оставляя безвозмездно потомкам свои сокровища? Двери к ним открыты для всех, - и для народа, о котором так щедро вы заботитесь. Что же касается обвинения в мой адрес, - то государство всегда держалось на принятых законах, и преступивший этот закон карается этим самым законом. Разве Суворов не умирал Пугачева или Скобилов восстание в Туркестане? Или они у вас зачислены в ранг кумиров нации?..

- Вот что, - перебил Павла Карловича молчавший и едва ли понимавший до конца услышанное Родионов, - до сих пор вы все делали для себя: и государство, и сокровища, и долг, и честь, а теперь все для себя создавать будем мы: и свое государство, и культуру, и законы... Впрочем, само государство, может быть, скоро нам и не понадобится. Мы создадим единое всемирное пространство рабочих и крестьян. Мировая революция сметет всех, кто поднимет меч на ее самые справедливые идеи!

- Революции уже были во Франции. И чем они кончились, - известно хорошо. Отсечением голов ее свершивших. И выходит, что свершили они ее себе на погибель.

- Ваши речи контрреволюционные! - вознегодовал Раддионов. - И слушать мне их, красному командиру, негоже. Выход у вас только один: идти к нам на службу!

- Против своих я не пойду! Против немцев, - дайте мне армию и я поведу ее. Но армии у вас нет. Есть только толпа, жарко раскаленная анархией. И вести ее против регулярный войска, - это безумие. Такой ответственности я на

себя не возьму.

- Не горячитесь! Подумайте хорошенько и еще раз взвесьте. Мы вам даем право на жизнь.

- Вы - мне? Так щедро даруете право на жизнь? - кустистые брови Павла Карловича удивленно поползли вверх, он отрешенно улыбнулся. - Я никогда не цеплялся за жизнь, а тем более ценой чести и совести. Вы обращаетесь не по адресу. Я - адресат иных категорий. Не ваших.

- Ну, о совести, - вы это бросьте. Ваша «совесть» вывезла немало из восточной Пруссии награбленных ценностей. В особых составах, в ущерб военным перевозкам. Что, не так?

- Что вы знаете о войне? Ровно ничего; только, пожалуй, то, что война это гибель, смерть, нечеловеческая усталость! Но этим она не исчерпывается. Испокон веков, когда победители врываются на территорию побежденных, начиналось присвоение и вывоз ценностей. То, что попало ко мне, - это ничтожная малость, не подлежащая резкому осуждению. Если бы вы читали протоколы следственной комиссии, которая этим занималась, начиная с марта 17 года, то и там такого резкого обвинения по этому вопросу не было. А там указано: из вывезенных ценностей - «часть присвоена себе». Куда девалась основная часть, - это пусть выясняет комиссия, если угодно. Что же касается моей вины с точки зрения новой власти...

- Да! Вина, - не удержался и перебил Павла Карловича Радионов, - вина против мирового пролетариата! Что? Не так!

- Вероятно, не так. Вот вы говорите, что создадите свои законы, свою культуру, свое государство... А я вывозил культуру, как вы изволите называть, «буржуев». Вот и выходит, что я невольно еще и помогаю вам, поубавив в мировом масштабе количество «буржуазной культуры». - Павел Карлович многозначительно улыбнулся.

- Да на хрена нам нужна эта культура, если она вывозилась в ущерб военным перевозкам! - закипел Радионов и его взгляд полоснул по лицу Павла Карловича, подобно лезвию бритвы.

- Неправда! Ни один раненый не остался на территории фронта, ни одно орудие, которое подлежало ремонту... Нагружались «культурой» только пустующие вагоны. А что же вы понимаете под «военными перевозками»?

- Ну, довольно! Наслушался я - во как! - Радионов нервно провел рукой по горлу. - Да только я чего-то не понимаю... Это как же, честь да совесть, а в Вильно, слышал я, губернатор Ренненкампф подписал около 200 смертных приговоров. Это что же, все наших товарищей шлепали? - при последних словах Радионов почти лег на крышку стола, понизив голос до вкрадчивого шепота.

- Ну, не 200! Цифра, конечно завышена. Я подписывал приговоры убийцам, отъявленным рецидивистам, для которых человеческая жизнь все равно что жужжание назойливой мухи... Я был на страже закона государства, вверенного мне. И если бы потребовалось для создания нормальной жизни в губернии подписать больше этих приговоров, я бы это сделал. По каждому делу велось следствие, тяжкая вина каждого была доказана, - Павел Карлович вдруг остановился и после недолгого молчания вдруг неожиданно спросил: «Скажите, а как бы вы поступили, если бы кто-то убил близкого вам человека?»

- Убил бы! - выпалил Радионов.

- Вот видите, и я это делал. Только передо мной были не лично близкие мне люди, а люди вверенной мне губернии. К моменту моего прибытия в Вильно обстановка там господствовала криминальная.

- Послушать вас, так прямо кругом чистые. Да только почему-то вас звали в народе «палачом» и «вещателем».

- Великого реформатора Столыпина в ваших кругах

тоже звали «вешателем». И доживи он до наших дней, его-то вы не пощадили... в числе бы первых шлепнули, как «вешателя» и «душителя».

- У нас все во власти справедливого революционного суда... И никто нам не указ! Так-то, - процедил сквозь зубы Радионов.

- Ваш суд известен уже широко: пуля да штык. За что вы растерзали в Петербурге Шингарева и Кокошкина, ночью в Мариинской больнице, - людей прикованных к постели? За что?!

- Я их не уничтожал! - почти закричал с ненавистью Радионов.

- Конечно, не вы. Вас в Петербурге не было. Сделали это «краса и гордость русской революции» русские матросы!...

- Молчать! - в бешенстве негодовал Радионов. Вы лучше подумайте над нашим предложением! Мы вам даем пока время. - Он окинул взглядом победителя высокую фигуру непокорного генерала и резко крикнул: «Часовой! Увести!»

Павла Карловича оставили в небольшой комнате ада-башевского особняка. Он осмотрелся: окно с высоким подоконником, стол с двумя стульями старинной работы и походная железная кровать, которая выглядела в этом лепном пространстве случайным гостем. Вероятно, у купца здесь было какое-то подсобное помещение: стол и стулья, возможно, перенесли из гостиной, а кровать-из разгромленного юнкерского училища. Павел Карлович посмотрел на массивную дверь, за которой стоял часовой, и зашагал по комнате: четыре шага вперед, поворот и четыре шага назад... Так ходил долго и неистово, освобождаясь от негодования, которое железной хваткой сковало его. Он заметил как приоткрылась дверь и часовой с нескрываемым любопытством стал наблюдать за ним. Остановился, вопро-

шающе взглянув на непрошеного гостя, и дверь мгновенно захлопнулась. Сел и стал тут же перебирать в памяти все события последних дней, тщательно и углубленно. Как могло случиться, что у самого «старта» все оборвалось? Случай ли? Судьба? Или историческая закономерность, по которой один оказался активнее и ловчее другого? Нет, не об этом сейчас нужно думать, а о том, что делать, как избежать смертельной опасности и возможности быть раздавленным... Он вдруг вспомнил, что в Трубецком бастионе, там, в Петрограде 17года задавал себе эти же самые вопросы. Удивительно, но и там назойливо вторгались в его камеру. Конечно, те «гости» были иного, - высокого ранга... Дверь тогда тоже внезапно распахнулась и сквозь тусклый свет фонаря показались три рослые фигуры, они вошли и стали задавать интересующие их вопросы. Один из вошедших Павлу Карловичу показался знакомым. Он долго шарил в тайниках своей памяти, но никак не мог вспомнить, где и когда видел этого человека. И вдруг как внезапный гром, как вспыхнувшее озарение: Александр Блок! ...Любимый поэт Веры Николаевны. Неслучайно его портрет она повесила в гостиной на обозреваемом месте. «Пусть укрыва от дольного горя Утонувшая в розах стена, - Заглушить рокотание моря Соловьиная песнь не вольна» - эти стихи пришли на память Павлу Карловичу, как гулкое эхо из далекой жизни, когда Верочка вбежала с мороза, сияющая и радостная, и положила на стол небольшую книжку в глянцевого обложке с надписью: А.Блок «Соловьиный сад». ...Да, куда все ушло, как и не бывало. ...А что если тянуть время? Согласия, конечно, не давать, но обещать подумать? Нет, нет, все это не то. Тогда, что же? Что?! Вероятно, можно потребовать встречу с Верочкой. А там, посмотрим. ...Господи, как глупо все получилось. Стоило ли ехать из Петрограда за тысячами километров, чтобы быть арестованным в каком-то провинциальном городишке, в котором нет даже водопровода. Ну

что ж, что сделано, то сделано, поправить здесь уже ничего невозможно. Я им, конечно, нужен, и они будут еще какое-то время ко мне... снисходительны». Ну а потом? Что будет, то будет... Так думал Павел Карлович, взвешивая все и расставляя по своим местам. Он отчетливо понимал, что революционные законы, с позиций которых действует Радионов, никакого отношения к юридическим нормам не имеют. И чтобы их победить, нужны иные рычаги, несвязанные ни с гражданскими, а тем более, ни с этическими, ни с моральными правилами игры. Но какие «козыри» были в его банке, Павел Карлович представить не мог. Единственное, на что он мог рассчитывать, это его «генеральство»: он им нужен, и как только они поймут, что на этом фронте их карта бита, его уничтожат. Однако произойдет сие печальное событие не завтра и не послезавтра, поэтому нужно во что бы то ни стало увидеться с Верочкой и разузнать о положении в городе, нельзя ли уйти из под «опеки» Радионова...

Павел Карлович вспомнил петроградскую ночь, когда его, совсем больного, во время смены караула вывозили в закрытом автомобиле из Петропавловской крепости, и как это было сложно: комиссия постановила отдать его на поруки, но караул крепости наотрез отказался выпустить «кровавого генерала»; тогда потребовалось вмешательство министерства юстиции. Теперь вмешиваться некому, рассчитывать можно только на себя. Он попросил бумагу и чернил, стал писать просьбу на разрешение свидания с Верой Николаевной...

Через два дня она пришла опечаленная и с искрившейся надеждой. Вид Павла Карловича ей не понравился, - не обострились бы старые болезни. Но известие, которое принесла Вера Николаевна, обещало новый осветляющий поворот: следственная комиссия при Таганрогском революционном трибунале предложила военному комиссару Ра-

дионову перевести его, Ренненкампфа, в ее распоряжение для дальнейшего расследования дела, и в ближайшее время ждут ответа. Возможно, это будет спасением, так как в комиссию входят люди более лояльные и разных политических позиций. Свидание было коротким, но Вера Николаевна успела сообщить все необходимое. Обняв ее за плечи, Павел Карлович проводил до двери, которые тотчас за ней захлопнулись, и он еще некоторое время слышал удаляющиеся шаги. Вот они смолкли и как будто оборвалась связь с внешним миром. И опять пошли ожидания, редкие допросы, на которых все вращалось вокруг одного подлого вопроса: искупите свою вину служением трудовому народу. И выходило, что если он, Ренненкампф, изменит святой присяге и перейдет на сторону разгулявшейся стихии, то уже и не «палач», не «душегуб», а некое подобие святого. Но Павел Карлович был непримирим. Он ссылся на свой уже немолодой возраст, на неизменность присяге, на отсутствие регулярной армии у красных... Словом, категорическое «нет» звучало в его речи сурово и жестко. При последнем разговоре уже в след ему разъяренный Радионов бросил: «Смотри, чтобы пожалеть не пришлось». Но на следующий день свидание с Верой Николаевной состоялось и первое, что она сообщила, войдя к нему, - это отказ Радионова на решение комиссии. «Ренненкампф арестован нами по предписанию из Петрограда и из своих рук я его не выпущу», - заявил он.

Прошло еще несколько дней. Судьба Павла Карловича оставалась без изменения: Вера Николаевна приходила к нему, Радионов изредка вызывал на допросы, вероятно, надеясь еще на что-то. Неожиданно приехал Главковерх Южного Фронта Антонов-Овсеенко. После триумфальной встречи с революционно настроенной частью города он прибыл в штаб Радионова. Разговор шел о положении на фронте, о состоянии города, о расстрелах и анархических

разгулах - и как внезапное известие, торжествующее и радостное, для верного ленинца прозвучало сообщение военного комиссара.

- Мы арестовали Ренненкампфа. Скрывался у нас в городе. Не знаю, что с ним делать. Несговорчивый оказался. Служить нам не хочет.

- Не знаете, что делать? Революция должна быть беспощадна к врагам. Удивляюсь, что он еще не расстрелян! - Антонов сделал резкую паузу, посмотрел прямо в глаза Радионову и завершил: «Расстрелять и немедленно!»

...Стояла глубокая ночь 31 марта. Весенний ветер гайдомачил на городом. Свирепая и безумствуя, он гнал от моря к востоку черно-бурые тучи, швырял по глянцево-блестящим мостовым ворохи прошлогодних сухих листьев. Старая колдунья луна таинственно скрывала свой нетускнеющий лик где-то за бегущими облаками, изредка освещая опустевшие улицы. Павлу Карловичу не спалось. Он встал и подошел к окну, и тотчас ему открылся непроницаемый мрак. Но через несколько мгновений лунный свет неожиданно пробился сквозь черную пелену пространства и обнажил справа - особняк Гардона, впереди - причудливый вид внутренней стороны дворца Алфераки. Однако не это привлекло Павла Карловича, а сверкнувшая вдруг из-за туч одинокая острая звезда. Возникшая рядом с луной, она соперничала с ней, то затмевая ее, а то и вовсе торжествуя единственной и неповторимой во всем огромном космическом мире. Зрелище было завораживающее. Еще одно мгновение и звезда исчезла, и сколько ни вглядывался в пространство Павел Карлович, никак уже не мог увидеть свою одинокую спутницу. Он уже хотел лечь, как за дверью раздались частые шаги, и она резко распахнулась.

- Одевайтесь! - скомандовал один из вошедших. - Вас затребовал Центр. Вещи оставьте. Их доставят без вас.

Они вышли во двор, освещенный тусклым фонарем. У

входа стоял черный автомобиль, в котором их ожидал комендант станции Евдокимов. Поехали по Николаевской улице, но не доезжая до вокзала, неожиданно почему-то свернули влево.

- Куда вы меня везете? - спросил Павел Карлович, подзревая неладное.

Ему не ответили и только автомобиль яростно рванул на глубокой ухабине. Через несколько минут остановились у пустынного заброшенного места.

- Выходите! - приказал Евдокимов.

Сквозь тьму Павел Карлович заметил несколько стоящих силуэтов; один из них выделялся белеющим пятном на фоне чернеющей ночи. Он присмотрелся и узнал в нем своего собрата по несчастью, которого уже успели раздеть. Сомнения не оставалось: его привезли к этой зловещей окраине на смерть.

- Что это значит? - спросил Павел Карлович, стараясь не выдать своего волнения.

- Это значит, что Центр отменяется. И по постановлению Таганрогского революционного трибунала кровавый генерал Ренненкампф подлежит ликвидации, как враг народа и революции! - ответил презрительно-жестко Евдокимов. Пьяно раскачиваясь, он подошел вплотную к Павлу Карловичу. - Ну, что, царская падаль, не страшно? - спросил почти шепотом.

- Должно быть страшно тебе, потому и налился! Но смерть моя вам не поможет! - резко и спокойно ответил Ренненкампф. Ему приказали раздеться и рыть себе могилу. Он бросил к ногам «серых шинелей» верхнюю одежду, но от земляных работ наотрез отказался, сказав, что это «забота палачей», и он «сам себе не палач». Тогда его стали беспощадно избивать. И когда обессиленный он упал на землю, Евдокимов трижды выстрелил ему в затылок.

Наступила зловещая тишина и из-за черных туч вып-

лыла луна. Потеряв где-то в бескрайных просторах свою остро-горящую соперницу звезду, она одиноко осветила два неподвижно-распростертых белые силуэта; прощальным лучом таинственно коснулась их и ушла в черноту поднебесья.

На следующий день в комендатуру пришла Вера Николаевна и была удивлена и расстроена как самим решением Радионова отправить ее мужа в Москву для «дальнейшего расследования», так и неожиданной скоростью его исполнения: еще два дня назад ничего не предвещало такого исхода. И вдруг. Странное предчувствие охватило бедную женщину. «Что за спешка и почему Радионов не оповестил ее о предстоящей отправке Павла Карловича в Москву? О каком дальнейшем расследовании может идти речь, когда все уже раскрылось? И кто этим будет заниматься, если по всей России занялся кровавый пожар..?» - такие вопросы бесконечно вставали перед Верой Николаевной и обрывались догадками одна страшнее другой. Несколько дней она прибывала в неизвестности. Но однажды поздним вечером, когда неистовый ветер с зловещим воем гулял по безлюдным улицам, заглушая редкие шаги прохожих, в дверь постучали. Вошел невысокий пожилой человек в рабочей одежде и, осенив грудь крестом у самого порога, тихо проговорил: «Вам передали письмо», - и тотчас удалился. Как во сне, Вера Николаевна спешно разорвала конверт с чистым листом бумаги, - только вверху мелким убористым почерком была прочерчена одинокая строка: «Ваш муж генерал Ренненкампф в ночь на 31 марта в 2-х верстах от Балтийского завода и 1/2 версте от еврейского кладбища расстрелян».

...Мелькали дни и недели. В конце апреля спешно бежали большевики и на недолгое время на таганрогской земле установился немецкий порядок. Прошло еще две недели и Союз офицеров вместе с полицией, в присутствии лиц

прокурорского надзора, - среди них был и Николай Дмитриевич Аракин, вскрыли указанное в письме место, и Вера Николаевна в одном из двух извлеченных из неглубокого рва трупов безошибочно опознала своего покойного мужа Павла Карловича Ренненкампфа, генерала от кавалерии. Его перенесли на старое кладбище и тайно похоронили.

...Немцев вскоре сменили «белые», и по всей Греческой улице «расквартировались» части Деникинской армии. Генералы Антон Иванович Деникин, Романовский, Май-Маевский, Врангель; Плющевский-Плющик, Шкуро, Кутепов, Богаевский... оставили свой отчаянно-прощальный след на городских улицах. И сейчас еще стены многих особняков помнят далекие образы, унесенные неукротимым бегом времени. Четким неторопливым шагом шел по Греческой, свернув по утрам к Успенскому собору, Деникин: невысокий, плотный, он входил в храм, ставил свечу Георгию Победоносцу и долго смиренно и с надеждой молился. Белым видением мелькнула на таганрогских улицах высокая фигура в папахе и черкеске Врангеля, остались запечатленными на фотографиях таганрогского лета 19 года силуэты генералов Романовского, Май-Маевского, Деникина и его советников: Соколова, Астрова, Савича, - сидят за столом в стиле ампира, такие же часы, стулья, бюро... В каком особняке это было? Знали они, мы, - едва ли. Вот еще фотография: военный смотр Корниловского полка... Но самого Корнилова уже нет: всего несколько часов его гибель опередила смерть генерала Ренненкампфа: он был убит в 10 часов утра 31 марта под Екатеринодаром, а его полк навсегда ушел в бездонную тьму, оставшись вечно молодым; кто они - эти безымянные воины и где сложили свои отчаянные головы? На какой затерявшейся российской версте буйный ветер оплакал их белые кости? Кто погиб и кто уцелел? И если уцелел, как сложилась его судьба? Где-то в этих деникинских рядах скрылась легкая тень казачьего есаула Ми-

хаила Сазонтовича Щепеткова. Из общности она вырвалась на простор одиночества и, оторвавшись от всех, осветлила свой нетленный абрис: фотографический снимок запечатлел совсем еще молодого казака, сидящего на высохшем пне; положив на колени шашку, он смотрит пытливый и внимательным взглядом, будто спрашивает через бездну времени: «Ну, что, потомки, хорошо ли вам живется?» В этот момент Михаил Сазонтович еще не знает, какой тернистый путь уготовила ему судьба: Очень скоро на черных картах своих загадочных миров она, не дрогнув, наметит и трагическое отступление белой армии, и последние попытки закрепиться на берегах Черного моря, не удержав Азовского, обернувшиеся полным разгромом и душевной пыткой, и эмиграцию, как чудовищный сон, и жестокою ностальгию. Но не смог уйти казак Щепетков от Родины. Остался на ее святой, обгащенной кровью земле, чтобы пройти до конца намеченный судьбой крестный путь, - через концентрационные лагеря, беспощадные лишения и подозрения. Время сохранило уничтожающую и глумливую анкету «переломного» 1930-го года, вопросы которой направлялись на искоренение пригрезившихся врагов страны Советов: возраст, бывшее сословие, социальное положение до 1914года, с 1914года по 1917год, с 1917года по настоящее время... В графе «имущественное положение» (точно указать, какое имеется имущество) чётким и ровным почерком Михаил Сазонтович напишет: «а) до 1914года - ничего не имел; б) с 1914г. до 1917г. - ничего не имел; в) с 1917 г. по настоящее время - ...с 1924г. до 1928г. имел 1 пару волов и 1 корову. В 1928году - 2 лошади и 1 корову. В 1929г. - 1 лошадь, 1 корову и 1 телка. В настоящее время лошадь в колхозе, коров нет.» А в заключении на вопрос «сколько раз подавали ходатайства о восстановлении в избирательных правах», ответит: 3 раза - отказано.

...1918-19гг. унесли сотни тысяч жизней и рядовых вои-

нов, и офицеров, и генералов. От случайного снаряда погиб Корнилов, не успев развернуть боевых сражений; от ран в Ростове-на-Дону скончался генерал Дроздовский, в Екатеринодаре умер Главнокомандующий Алексеев, расстрелян ВЧК бывший министр внутренних дел Хвостов, убит в бою генерал Марков, где-то при отступлении под Батайской в тифозном бреде умер генерал Тимановский, от внезапного сердечного удара ушел из жизни Май-Маевский... Через несколько минут после прибытия в Константинополь погибнет от руки террориста генерал Романовский, друг и соратник Деникина. Но при всей российской трагедии с извилинами и обрывами жизнь шла своей чередой. И в небольшом приморском городе Таганроге на развалинах истерзанной истории рождались и умирали, разгорались и гасли безумные страсти. Через несколько месяцев после гибели Павла Карловича Ренненкампа жертвой неразделенной любви станет его старшая дочь Ольга. Она погибнет от руки влюбленного офицера, в полубредовом иступлении разрядившем в нее обойму своего пистолета. Ее похоронили недалеко от могилы Павла Карловича, но время унесло эту гробовую память: надпись скоро стерлась, крест то ли сгнил, то ли кто-то порушил (как утверждают сторожилы, его можно было видеть еще перед самой войной 41 года). Это «альковное» событие мимолетной искрой вспыхнуло над городом и погасло. И жизнь с тревогами и радостями на краю пропасти пошла дальше.

...Городской сад и Общественное собрание сдали в аренду музыкальным деятелям и офицерам, и зазвучала музыка и полилось вино: изымались из потайных подвалов красное «Кло де Вужо», шустовский и изысканные французские коньяки. Когда эти дорогие ассортименты истощили себя, в ход пошли попроще и покрепче. Все, как к отраве припадали ко всему острому раздражающему внутренности. В итоге Городская Управа издает указ: «Временно прекра-

тять выдачу разрешений на приобретение винного спирта». А на городских рынках, у рыбной пристани шла оживленная торговля. То и дело подходили баркасы с рыбой, предлагая покупателям приобрести товар по ценам «весьма средним», но и они для приморского города были слишком высоки, как и цены на все, в чем нуждалось городское население. Уже в мае 1918 года газета «Южное слово» вынуждена была признать: «Цены чрезвычайно высокие для Таганрога, рожь - 110 р, за десятипудовую четверть, пшеница - 120 р...» Но выехать из города по-прежнему было непросто: «У пристани ни одного пассажирского парохода. Когда будет установлено пароходное сообщение между портами Азовского моря и Ростовом, неизвестно», - сообщила та же газета «Южное слово». Не лучше сложилась обстановка и на железнодорожных вокзалах. У билетных касс столпились огромные массы людей, страждущих покинуть город. Но объявление гласило: «Прием через пассажирскую скоростную, а также нулевого багажа вывоз воспрещается, багаж же по билетам разрешается только состоящий из домашних вещей». И это повергало горожан в еще большее потрясение.

Осенью 19 года становилось ясно, что белому движению не удержаться. Не спасли его ни страстные заклинания, обращенные к Георгию Победоносцу, ни тайная мольба над ликом Казанской Богоматери, заступницы всех сирых и гонимых. Еще в октябре пехотные отряды генерала Слащева остановили махновцев в 80-ти километрах от Таганрога. Но уже в ноябре Ставка Главнокомандующего Деникина передвинулась в станицу Тихорецкую, потом в Екатеринодар, а из него в Новороссийск. Вместе с ней начиналось великое отступление по всему фронту. С отступающими частями уходил и «цвет» города: меценат и почетный член Донского края Павел Федорович Иорданов и близкие ему Лякиеры, владелец авиазавода Дмитриев, пос-

ледный Городской голова Никольский, член Городской Управы Боровский, щедрый купец Шаронов, владелец магазинов и многих предприятий Фельдман... Последний погрузил на свой пароход «Николай II» все, что оставалось ценного в его доме, и вышел в море. Он долго стоял на палубе, всматриваясь в туманеющий берег родного города, потом приказал отдать последний гудок российским просторам и заплакал. Пароход быстро набрал скорость и навсегда скрылся в мгlistой дали.

Уходил с Деникинской армией и юный телеграфист Николай Катенев. Вместе с ней он до конца выпил горькую чашу поражений, обид и унижений. Польша-травой обернулась чужая сторона для тех, чьи корни проросли на российской земле. Многие города и страны извездил Николай Иванович Катенев. Жил в Болгарии, в Париже, в Нью-Йорке. Но ничто не заслонило у «вечного скитальца» святого чувства к России и родному городу. Потому так иступленно тянулся он ко всему, что напоминало о Таганроге, ода-ривая его музеи редкими экспонатами и реликвиями, не прерывая переписки до конца своих дней.

Тягостной ностальгией отзывалась чужая сторона и для Иордановых. Один из сыновей Павла Федоровича так и не смог, при всей респектабельности своего бытия, погасить в себе магический образ далекой России. Чувством тоски и неизреченной печали он отвечивал на русских скамьях и изразцовой печи, которыми украсил Сергей Иорданов свое ватиканское жилище. Для изгнанников Россия сияла безвозвратно ушедшей молодостью, доблестью, надеждой и верой. И на обломках памяти каждый пытался воскресить и закрепить хотя бы крошечный уголок минувшей жизни. Бледным видением он возникал и уходил все дальше и дальше, теряясь в туманеющих далях.

После ухода Белой Армии вдова Павла Карловича сдала в музейный фонд многие ценные коллекции. Среди них, -

портреты, гравюры, оружие. Но в каталоге сданного значилось немногое; по всей вероятности, предметы восточного ритуального культа, вазы, амфоры оказались в хранилищах музея, будучи конфискованными. Возможно, это было одно из условий новых властей, по которому Вера Николаевна разрешалось беспрепятственно покинуть город, и она, отчетливо понимая, что столь громоздкие вещи ей не увезти, согласилась сдать то, что еще не успели изъять. Так или иначе, но последние дни декабря 1919 года, - время сдачи реликвий, помеченное в документах, - стали и последними днями пребывания ее на родной земле. За 2 дня перед отъездом она неожиданно получила письмо. Будто из небытия на конверте расплывались темные «знаки», написанные рукой Павла Карловича. Не веря себе и испытывая невольную дрожь, Вера Николаевна вскрыла конверт и прочла: «Милая Верочка! Когда ты получишь это письмо, меня уже среди земных жителей не будет. Я любил тебя, как может любить человек, не раз смотревший в лицо смерти, многое повидавший и многое испытавший; как бы я хотел, чтобы моя любовь помогла тебе в жестоких земных испытаниях, которые тебе еще предстоит пройти. Будь сильной и мужественной. Это так необходимо. Ведь ты для наших девочек осталась единственной жизненной опорой и надеждой. Но среди закурившихся российских бездн вам оставаться нельзя, «женихи революционной Пенелопы» не оставят в покое потомков Ренненкампа. Уезжайте в Европу, пройдут годы, и я верю: правда восторжествует, свет еще загорится над Россией, и она возродится благодатным цветом. Прощайте и да поможет вам Бог и моя неземная любовь и вера. П.Р.»

В январе 20-го года Вера Николаевна простилась с дорогими могилами мужа и дочери и вместе с Татьяной, младшей дочерью, навсегда покинула новую Россию. Путь их лежал в Париж. Там в этом роскошном и ослепительном го-

роде мировой цивилизации встретился трагический «цвет» Таганрога, чтобы терзаемый жестокой ностальгией медленно увядать на чужеродной земле.

Портрет от Владимира Павла Карловича Ренненкампа

Генерал от кавалерии Павел Карлович Ренненкампф.

Есаул деникинской армии Щепетков Михаил Сазонтович.

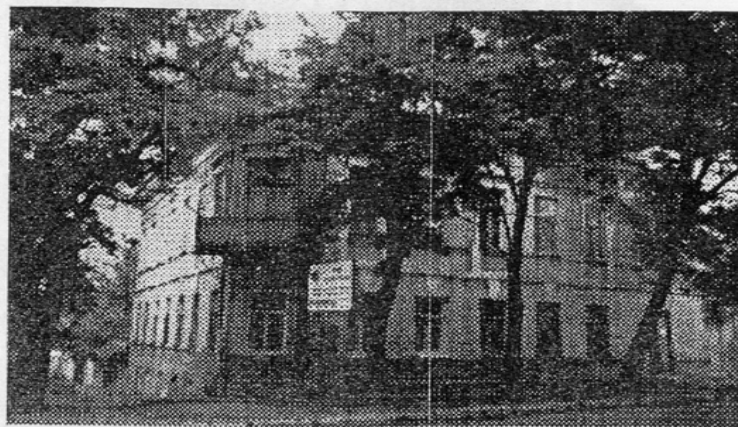
Дом Паласовой.

Здесь проживала семья Аракиных, и генерал Ренненкампф в первые дни своего приезда в Таганрог останавливался в этом доме.
Улица Греческая 71.

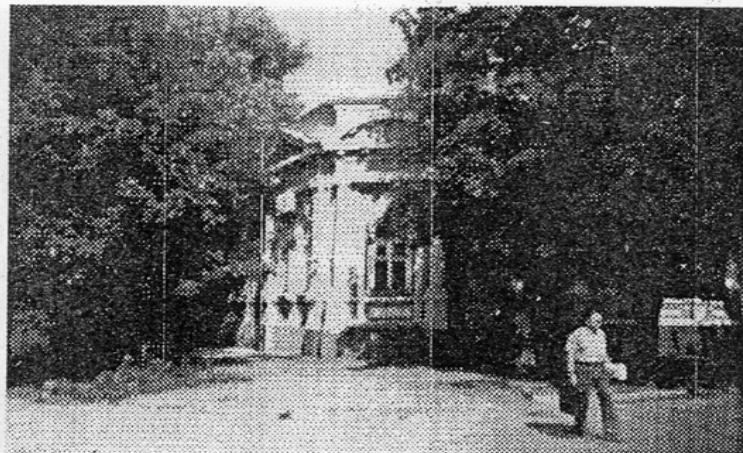

Дом Деминой

На втором этаже дома до прихода большевиков жил генерал Ренненкампф.
Улица Греческая 47

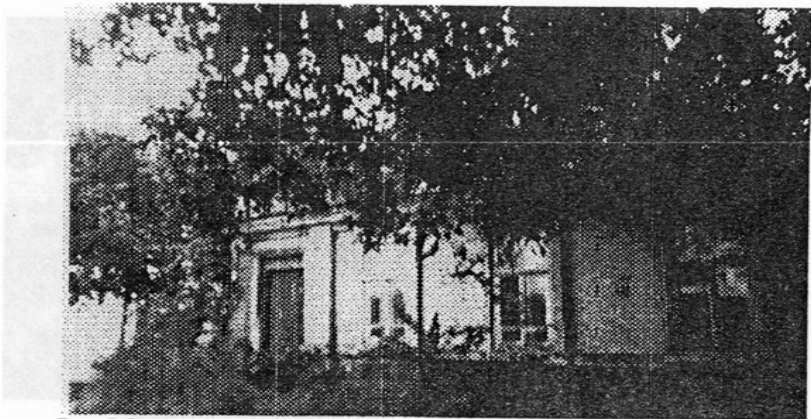

Дом Иорданова, - городского губернатора.
Улица Греческая 46.

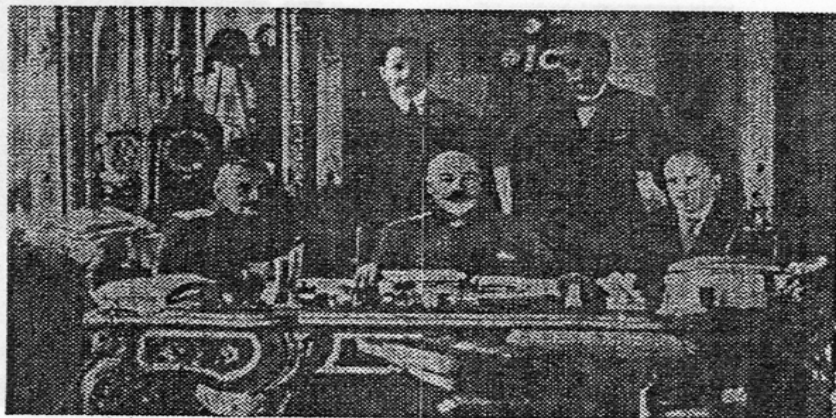

Дом Адашева.

Здесь находился во время ареста генерал Ренненкампф.
Улица Фрунзе 37.

Дом Мансудаки, в котором скрывался после прихода большевиков генерал Ренненкамф. Переулоч Украинский 1.

Лето 1919 в Таганроге. Генерал Деникин со своими советниками. Слево на право: генерал Романовский, генерал Деникин, К.Н.Соколов. стоят: Н.И.Астров и Н.В.Савич.

"За Валу, Цара и Отчизну"

- глава Павло Карловича
- обстоятельства ареста - текст договоров
- текст последнего письма к Вере Николаевне
- фото вещей и вещей подаренных
- отрывки и оригиналы и материалы следствия
- Коммуция - Я никогда не знала о коллекции
- Интересно какие подлинные документы находились в Таганроге
- Уор последние Таганрог - Николаевна со...

Людмила Малюкова

И закурились бездны...

Подписано к печати 12.01.98 г.
Формат 60x84/16. Бумага White PPC.
Печатных листов 6,75.
Заказ №24. Тираж 200 экз.
Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии Ступина А.Н.
Лицензия ПЛД №63-111 от 23.07.97 г.
347900, г. Таганрог, ул. Греческая, 105.